

Отъ Москвы до Берлина въ 1920 г.

Р. Донского *

Внуку моему Всеволоду

Править Русью призвать только черный народъ.
То по старой сплетнѣ вскѣ равенъ,
А по нашей лишь онъ полноправенъ.

Гр. А. Толстой. «Потокъ Богатырь».

Дорогой мой Лодочка! Морознымъ вечеромъ 1920 года, когда тебѣ еще не было 2-хъ лѣтъ, мы сидѣли съ тобою въ нетопленной комнаткѣ небольшого домика на одной изъ окраинъ города Минска. Надвигались сумерки. Мать и бабка возились съ печкой, а ты въ теплой шубенкѣ и шапкѣ прикуринулъ у меня на рукахъ. Мы только что вырвались изъ отвратительной, грязной гостиницы, въ которой прожили три дня, и устраивались на новой квартирѣ. На душѣ было скверно и тоскливо. Поляки отобрали у меня все деньги, и мы не знали, вернуть ли ихъ. Всѣ говорили, что въ Германію насъ не пропустятъ. А отношеніе къ намъ въ Польшѣ было таково, что оставаться тамъ было немыслимо. Ты пригрѣлся у моего мѣхового воротника и мирно дремалъ, а я смотрѣль на твою безмятежную рожицу и горько раскаивался въ томъ, что вытащилъ тебя изъ Москвы въ полную неизвѣстность, ожидающую насъ впереди.

Вотъ въ этотъ то вечеръ я и рѣшилъ записать подробно наше бѣгство изъ Москвы и обстоятельства, побудившія насъ покинуть Россію, чтобы, когда ты выростешь и научишься читать и понимать прочитанное, ты могъ самъ рѣшить, правъ ли былъ твой дѣдъ, увозя тебя, или неправъ. А если ты, прочитавъ мои записки, припомнишь немнога исторію, ты поймешь, что жизнь человѣчества подвержена тѣмъ же законамъ, какъ и жизнь отдельныхъ индивидуумовъ. Такія же внезапныя пробужденія атавистическихъ инстинктовъ, какія наблюдаются у послѣднихъ, періодически проявляются и въ жизни человѣчества. Привыкнувъ къ жизни большого культурнаго

* Р. Донской—литературный псевдонимъ одного изъ московскихъ профессоровъ, находящагося нынѣ за границей. Псевдонимъ этотъ авторъ воспоминаній по вполнѣ понятнымъ причинамъ пока раскрывать не желаетъ. Предлагаемыя вниманію читателей воспоминанія предназначались авторомъ не для печати, а для семейнаго архива, и редакція съ ними ознакомилась случайно.

центра, къ своимъ лекціямъ, книгамъ, театрамъ, трамваемъ, поѣздамъ, телефонамъ и т. д. и т. д., я совершенно забылъ о возможности такихъ атавистическихъ взрывовъ и никакъ не ждалъ, что въ началѣ ХХ вѣка къ намъ ворвется первобытная жизнь во всей ея неинрикращеній наготѣ и перевернетъ все вверхъ дномъ. Я радуюсь за тебя, моя крошка, что ты пережилъ все это въ раннемъ дѣтствѣ. Къ тому времени, когда ты выростешь, жизнь, вѣроятно, успѣеть вернуться къ культурнымъ формамъ, периода затишья на твой вѣкъ хватитъ и тебѣ не придется на склонѣ днѣй ломать наложенной жизни, какъ пришлось это мнѣ съ бабкой.

Итакъ, малютка, слушай.

Родился ты въ Москвѣ 5 Марта 1918 года, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ большевистскаго переворота. Жили вы около Тверского бульвара и занимали одну комнату, гдѣ ютились отецъ, мать, ты и твоя няня Мариша. Когда тебѣ было нѣсколько недѣль отъ роду, меня съ бабкой часовъ въ 6 утра разбудила твоя мать, прибѣжавшая къ намъ вся въ слезахъ. Ночью у васъ былъ обыскъ, ворвались солдаты съ винтовками, перевернули все вверхъ дномъ и перепугали на смерть Маришу, съ которой сдѣлалось нервное разстройство.

— Мнѣ нужно въ госпиталь, я не могу оставаться дома, плакала мать, отцу тоже надоѣхать на службу, а Мариша совсѣмъ съ ума сошла, въ каждомъ углу ей мерещатся солдаты съ ружьями, что будеть съ Лодкой.

Бабка отмѣнила уроки и пошла стеречь тебя, пока вернутся отецъ съ матерью.

Мѣсяца черезъ два вашъ домъ реквизировали, давши вамъ три днія на пріисканіе новой квартиры. Найти что-нибудь такъ быстро, конечно, и думать было нечего. Дядя Шура «уплотнился» и вы вѣхали къ нему, Приблизительно черезъ мѣсяцъ вы нашли двѣ комнаты въ подалеку отъ насть у бѣженцевъ изъ Варшавы, которые скоро уѣхали, и вся квартира осталась за вами, но ненадолго. По «стратегическимъ соображеніямъ» изъ верхнихъ этажей вашего дома опять таки въ трехдневный срокъ выбросили всѣхъ жильцовъ, въ томъ числѣ и васъ. На этотъ разъ васъ приютили зпакомые, у которыхъ вы прожили съ мѣсяцъ и вамъ вскорѣ повезло. Въ томъ же домѣ (но въ другомъ подъѣздѣ), гдѣ мы жили, случайно освободилась квартира, которую мнѣ въ качествѣ предсѣдателя домового комитета удалось отвоевать для васъ. И вы перебѣхали въ четвертый разъ въ теченіе зимы. Насколько легко давались вамъ эти переѣзды, ты поймешь изъ того, что отецъ бѣгалъ по своимъ службамъ съ 9 утра до $2\frac{1}{2}$ ночи, а мать, несмотря на болѣзнь почекъ, служила въ двухъ больницахъ. (Въ Российской Федеративной Соціалистической Республикѣ это называлось восьмичасовымъ рабочимъ днемъ).

Мы съ бабкой въ отюшевіи реквизицій были счастливѣй, ибо насть спасала моя лабораторія. Попытокъ уплотнить насть было не мало, приходили и матросы, и солдаты, и еще какие то люди. Въ качествѣ предсѣдателя домового комитета ихъ принималъ я лично и, въ концѣ концовъ, научился съ ними обходиться. Съ однимъ приходилось говорить на равной ногѣ и сказать нѣсколько словъ о значеніи науки, другимъ импонировалъ больше сухой официальный тонъ, третыи больше подавались на

просьбу «войти въ положеніе». Словомъ приходилось лавировать. Кстати о предсѣдательствѣ въ домовомъ комитѣтѣ. Если бы ты могъ представить себѣ, во что превратила совѣтская власть это хорошее по существу учрежденіе. Какихъ только бумагъ мнѣ не приходилось подписывать. Одной жилицѣ, которую я совершенно не зналъ, я ежемѣсячно удостовѣрялъ право на пенсію, которую она гдѣ-то все-таки ухитрялась получать, несмотря на отмѣну пенсій. Выдалъ пѣсколько разрѣшений вступить въ бракъ (честное слово, малютка, дѣдь не шутить), а одинъ разъ удостовѣрилъ «крайнюю необходимость вымыться въ банѣ». Подписывалъ все и только просилъ жильцовъ приносить уже готовыя удостовѣренія.

Лѣтомъ 1918 года мнѣ было предложено организовать новую научную лабораторію. Дѣло было интересное, и за него я взялся горячо. Начались поиски помѣщенія. Полагая, что лучше всего дѣйствовать изъ центра и сверху, я пошелъ къ предсѣдателю Московскаго совѣда, Владимірскому (если не ошибаюсь, онъ раньше былъ секретаремъ Городской управы). Выслушавъ меня, онъ предложилъ обратиться въ жилищный отдѣль, завѣдующимъ коего была его жена (вѣроятно, во исполненіе декрета о томъ, что мужъ и жена не могутъ служить въ одномъ и томъ же учрежденіи). На вопросъ, гдѣ Владимірская, мнѣ показали на большой залъ засѣданій (дѣло было въ Городской думѣ), на дверяхъ котораго висѣлъ аишлагъ: постороннимъ входъ воспрещается. Я заглянулъ въ дверь: огромный залъ былъ заставленъ столами, за которыми работало пѣсколько сотъ человѣкъ. Между столами расхаживала Владимірская. Я велѣлъ доложить о себѣ. Прошло больше часа, Владимірская все ходила между столами.

— Попробуйте пройти къ секретарю, посовѣтовали мнѣ.

Въ большой комнатѣ шелъ приемъ просителей. Я сталь въ очредь. Это были все выселяемые интеллигенты, которые просили либо о представлении новыхъ помѣщеній, либо обѣ оставленіи ихъ въ старыхъ. Пріемъ вела дѣвица коммунистка, изъ тѣхъ, что одинъ ученикъ бабки за рѣшительность ихъ нрава прозвалъ «большевистскими валькиріями». Пріемъ шелъ быстро. Два, три громкихъ окрика валькиріи и проситель вылеталъ бомбой. Передо мной стоять предсѣдатель домового комитета уплотняемаго дома. Съ цифрами въ рукахъ, иллюстрирующими кубическое содержаніе воздуха въ домѣ, количество жильцовъ и пр., онъ началъ доказывать невозможность уплотненія.

— Я давно знаю наизусть все, что вы собираетесь мнѣ сказать, перебила валькирія его первую же фразу. Выбросьте въ сарай всѣ ваши гостиные-ампиры и прочій хламъ и вы увидите, сколько у васъ мѣста освободится! Вамъ что? обратилась она ко мнѣ.

Я изложилъ дѣло.

— Въ 17-ую комнату! Вамъ что?

Выходя я припомнилъ характеристику жизненныхъ запросовъ идеиныхъ работниковъ коммунизма, данную инженеромъ Л., однимъ изъ виднѣйшихъ представителей большевизма, который получилъ воспитаніе за границей и долго прожилъ въ Германіи, занимая крупный постъ въ ея промышленномъ мірѣ. Большевики употребляли его для непосредственныхъ сношеній съ западной Евроіей.

— Что же вы хотите, сказала она, отъ людей, которые верхомъ человѣческаго благополучія привыкли считать наличность кровати, стула и трехногаго стола со стопкой бумаги и портретомъ Карла Маркса на немъ?

17-ая комната оказалась тою же самой, гдѣ я ждалъ раньше Владимирускую. Прошло еще болѣе часа въ ожиданіи. Владимирская все ходила между столами. Наконецъ, я окончательно потерялъ терпѣніе, рѣшилъ войти безъ доклада. Подошелъ къ ней и попробовалъ представиться.

— Вы читали надпись на дверяхъ?

— Читалъ.

— Уходите!

— Изложивъ дѣло, съ удовольствіемъ.

— Я позову швейцара.

— Зовите.

— Пойдемте! И ова подвела меня къ одному изъ столовъ.

— Составьте протоколъ! распорядилась она и отошла.

— Чиновникъ взялъ четвертушку бумаги.

— Ваше имя?

— Профессоръ Московскаго университета имя рекъ.

— По какому дѣлу?

— Командированъ такимъ то вѣдомствомъ по такому то дѣлу.

— Присядьте на минутку.

— Онъ подошелъ къ Владимируской и началъ ей что то шептать. Черезъ минуту она подошла ко мнѣ.

— Уходите, показала она мнѣ величественнымъ жестомъ на дверь.

— Прежде чѣмъ не подпишу протокола, я не уйду.

— Я позову швейцара.

— Зовите.

Она отошла. Я сѣлъ, а чиновникъ принялся за текущую работу. Давъ мнѣ остыть, онъ сказалъ мнѣ:

— Профессоръ, вѣдь вы же врачъ.

Я понялъ, что онъ хочетъ сказать.

— Я уйду, отвѣтилъ я. Но вы теперь знаете мое дѣло. Дайте мнѣ хороший совѣтъ.

— Самое простое — найти подходящее помѣщеніе самому и дѣйствовать черезъ мѣстный совдепъ. Этотъ путь будетъ самымъ вѣрнымъ.

Начались поиски. Цѣной мѣсячной бѣготни по Москвѣ, я нашелъ подходящій домъ въ Зубовѣ, занятый трамвайными кондукторами, и отправился въ Хамовническій совдепъ просить отвести помѣщеніе мнѣ. Приняла меня секретарь жилищнаго отдѣла, но уже не изъ типа валькирій, а простой милый ребековъ лѣтъ 15—16. Я изложилъ ей дѣло, но она отвѣтила категорическимъ отказомъ: рабочихъ тропить нельзя. И она начала говорить о жилищной нуждѣ рабочихъ.

— Если бы вы были знакомы съ литературой вопроса, вы не стали бы настаивать, закопчила она.

Я, видя, что съ нею каши не сваришь, попросилъ провести меня къ предсѣдателю, каковымъ оказалась тоже девочка, но уже постарше — лѣтъ 18—19. Внимательно выслушала меня и тоже отказалась. Я сталъ

доказывать, что общежитие можно устроить въ любомъ домѣ, а для лабораторіи нужно особое оборудованіе — газъ и прочее.

— Я согласна, но (и дѣвушка постаралась придать своему полу-дѣтскому лицу особо многозначительное выраженіе) этотъ домъ намъ важенъ по своему положенію. Вы понимаете?

— Нѣтъ.

— Здѣсь имѣютъ значеніе соображенія чисто стратегического свойства.

— Въ стратегіи я не силенъ, согласился я съ ней, а потому спорить не берусь.

— Да почему вы настаиваете именно на этомъ домѣ? Мы вамъ можемъ дать лучшее помѣщеніе. Вамъ районъ Дѣвичьяго поля подходитъ?

— Очень.

— Такъ мы вамъ реквизириуемъ первую клинику. Она все равно пустуетъ. Это очень просто.

Я поспѣшилъ ретироваться, боясь, какъ бы она и впрямъ не привела въ исполненіе этой простой мысли. Вѣдь отъ такого срама я бы во всю жизнь не омылся.

До осени все же удалось получить помѣщеніе въ одномъ изъ ликвидированныхъ старыхъ учрежденій. Мнѣ предстояло уѣхать изъ Москвы мѣсяца на полтора и передъ отѣзdomъ я зашелъ въ Лефортовскій военный госпиталь, съ которымъ у меня остались связи послѣ войны. Это было черезъ нѣсколько дней послѣ покушенія на Ленина. Тамъ во дворѣ анатомическаго театра я увидѣлъ разостланный огромный брезентъ, изъ подъ котораго торчала пара мертвыхъ ногъ въ поскахъ.

— У васъ опять подваль затопило, что трупы не убрали? — спросилъ я служителя Григорія, съ которымъ мы были пріятелями еще съ войны.

Тотъ вмѣсто отвѣта отбросилъ брезентъ и я увидѣлъ 24 трупа съ раздробленными черепами. Всѣ лежали въ одномъ бѣльѣ, въ разнообразныхъ позахъ, въ два ряда, голова къ головѣ. Черепа ихъ напоминали разбитые спѣлые арбузы, и изъ широкихъ отверстій съ развороченными краями вываливались обезображеніе мозги и обломки костей. Я не могъ не узнать всесокрушающаго дѣйствія выстрѣла изъ винтовки въ упоръ. Большинству стрѣляли въ високъ, нѣкоторымъ въ лобъ. Все было понятно.

— Въ первый разъ привезли? — спросилъ я Григорія.

— Въ первый. Предупредили, что сегодня ночью привезутъ еще сорокъ.

Я посмотрѣлъ Григорію въ глаза, онъ отвернулся и мы пошли прочь. Въ Учредительное собраніе Григорій подавалъ голосъ за эсъ-эровъ, а въ городскую думу за большевиковъ.

— Программа у нихъально хороша, объяснилъ онъ мнѣ тогда.

— Ну, а земля, какъ же, Григорій?

— Земля моя! Я, чтобы заплатить за нее, 5 лѣтъ въ шахтѣ работалъ.

— Да вѣдь въ программѣ то совсѣмъ другое.

— Мало бы что другое! А если я не отдамъ, тогда что?

Теперь я вспомнилъ этотъ разговоръ и спросилъ.

— Что же Григорій, у большевиковъ программа все-таки хорошая?

— Вездѣ убиваютъ, уклончиво отвѣтилъ онъ, отвернувшись въ сторону. На другой день послѣ посѣщенія госпиталя я былъ по дѣлу о

номъщепіи лабораторії въ бывшемъ IX отдѣленіи управы (врачебно-санитарное). Нужнаго мнѣ врача я засталъ у телефона. Насколько я понялъ разговоръ шелъ о томъ, чтобы казненныхъ перестали возить для погребенія въ больницы.

— А много къ вамъ доставляютъ? спросилъ я его.

— Полными грузовиками, отвѣтилъ онъ, сильно понизивъ голосъ. Сегодня въ Солдатенковскую доставили что то около 30. Подняли смотрителя почью, онъ было запротестовалъ, начали грозить ружьями. Когда стали выгружать, оказалось, что одинъ еще живъ. Смотритель отказался принять его. Тогда тѣ усмѣхнулись, положили живого на грузовикъ, отѣхали на Ходынку и черезъ пять минутъ вернулись — дошель, говорятъ. принимайте.

— И во всѣ больницы привозятъ?

— Въ большинство.

Изъ разговора съ прозекторами я выяснилъ, что разстрѣливаются обычно изъ винтовки въ упоръ, стрѣляя въ голову. Но, повидимому, практиковались и другіе методы. Одна изъ ученицъ бабки рассказала ей слѣдующій случай. Мужа ея сестры тоже приговорили, и, посадивъ съ другими осужденными на автомобиль, вывезли на Петроградское шоссе за Все-святское. Тамъ было устроено нѣчто въ родѣ охоты на куропатокъ. Осужденныхъ по очереди спускали съ автомобиля, задержавъ его ходъ и кричали: — Бѣги! Тотъ инстинктивно бросался къ лѣсу, и его подстрѣливали съ бѣгущаго автомобиля. Зять ученицы былъ спущенъ однимъ изъ первыхъ. Раздался выстрѣлъ, попавшій въ плечо и онъ упалъ. Когда автомобиль отѣхалъ, онъ поползъ къ Серебрянному бору и укрылся въ кустахъ. Черезъ нѣсколько времени разразилась гроза, и автомобиль, собирая подстрѣленныхъ возвратился къ мѣсту, гдѣ тотъ упалъ подъ проливнымъ дождемъ. Его немнogo поискали, поспорили о мѣстѣ, гдѣ упалъ казненный (одни говорили здѣсь, другіе дальше) и, не желая мокнуть, уѣхали. Присидѣвъ весь день въ Серебряномъ бору, спасшійся чудомъ молодой человѣкъ ночью прокрался въ Москву и ему удалось уѣхать въ провинцію.

Это было самое начало террора и отвѣтъ на покушеніе на Ленина. Профессоръ М., лечившій Ленина, говорилъ мнѣ, что тотъ поразилъ его необычайной силой воли и той стойкостью, съ которой онъ выносилъ муничительныя перевязки. М. смотрѣлъ на разыгрывавшуюся въ Россіи трагедію изъ первыхъ рядовъ партера. Я по своей специальности попалъ за кулисы и своими глазами видѣлъ какъ Ленинъ расправлялся съ тѣми, кто заставилъ его выносить эти перевязки. И онъ очевидно вошелъ во вкусъ. Весной 1919 года я послалъ одного изъ ассистентовъ за материаломъ въ анатомическій театръ Яузской больницы, и онъ тамъ нашелъ уже 80 труповъ съ раздробленными черепами. А въ Москвѣ въ то время не было ни заговоровъ, ни волненій. Очевидно у Ленина — просто размахнулась рука, разсудилось плечо, а пріѣхавшій педавно въ Берлинъ профессоръ С. рассказалъ мнѣ слѣдующее. Лѣтомъ 1920 г., вскорѣ послѣ официальной отмѣны смертной казни, у д-ра Н. разстрѣляли взрослого сына. Одинъ изъ его товарищѣй, который былъ хорошъ съ прозекторомъ, пошелъ въ анатомическій театръ разыскивать трупъ и увидѣлъ картину. Небольшой подвалъ былъ до потолка набитъ казненными, которые были сложены, какъ штабель дровъ. Объ опознаніи трупа не могло быть конечно и рѣчи. Тогда

старуха мать подкупила могильщиковъ и пришла въ назначеннюю ночь на кладбище. Тамъ ей предъявили подрядъ всѣ трупы, прежде чѣмъ бросить ихъ въ общую яму, и она опознала дорогое ей, обезображенное лицо. За баспословную сумму денегъ она добилась, что сына ея зарыли не въ общай, а въ отдельной ямѣ, которую она обозначила своимъ условнымъ знакомъ...

Вскорѣ послѣ посѣщенія Лефортовскаго госпиталя я уѣхалъ. Когда я вернулся черезъ пять недѣль, я не узналъ Первопрестольной. Уѣзжая я оставилъ магазины открытыми, хотя и значительно опустѣвшими. Вернулся же я въ разгаръ націонализациіи торговли, когда во всей Москвѣ сдирали вывѣски. Такой ободранный домъ становился разноцвѣтымъ: мѣсто, покрытое вывѣской представляли штукуатурить, а вывѣски вѣшались въ различное время; когда ихъ удалили подъ ними оказался цвѣтъ, въ который бытъ оштукуатуренъ домъ когда-то раньше, зачастую отличный отъ послѣдняго. Особенно жалкій видъ имѣли маленькие дома, когда-то сплошь покрыты вывѣсками. Раздѣвшись, они являли москвичамъ всю убогость своихъ облупленныхъ фасадовъ, прикрытыхъ раньше разноцвѣтыми плакатами. Но самое скверное было, конечно, не обезображивание домовъ, а то, что съ закрытиемъ магазиновъ ничего нельзя было купить. Сначала мы недоумѣвали, какъ будемъ жить, но потомъ жизнь устроилась по своему. Табачные магазины были замѣнены мальчишками, продававшими на улицахъ папиросы и спички, кое-что изъ присовъ начали таскать на домъ различные спекулянты, главнымъ образомъ дворники. А все что угодно — отъ великолѣтной кружевной блузки до Цейссовскаго микроскопа, можно было купить на Сухаревкѣ. Это буржуи (или, вѣрнѣе, люди интеллигентныхъ профессій, ибо истые буржуи давно разбрѣжались) въ поискахъ за пропитаніемъ продавали свое имущество. Трудно даже представить себѣ, чего только не претворяла Сухаревка въ совсѣмъ рубли. Однажды я увидѣлъ тамъ приличнаго господина въ драповомъ пальто, продававшаго клѣтчатую подкладку этого самаго пальто, очевидно разсудившаго, что подкладка — буржуазный предразсудокъ.

*

* * *

Черезъ недѣлю по возвращеніи я пошелъ въ засѣданіе факультета и застать тамъ неожиданную для меня картину. Число членовъ возрасло съ тридцати до трехсотъ (вошло въ него свыше 100 приватъ-доцентовъ, почти столько же студентовъ и почти столько же ассистентовъ). Рядомъ съ деканомъ сидѣлъ политический комиссаръ, молоденькая женщина врачъ Познеръ. Деканомъ въ мое отсутствіе выбрали В. С. Гулевича. Атмосфера была напряженная. Студенты положительно горѣли жаждой реформъ преподаванія. Но въ чемъ должны состоять эти реформы, конечно, яснаго отчета не отдавали себѣ. Профессора насторожились, ожидая натиска и разрушенія и собираясь отстаивать дорогую имъ *alma mater*. Шли выборы президіума (деканата) и на очереди стоялъ вопросъ о выборѣ товарища декана. Я до сихъ поръ любуюсь тѣмъ спокойствiemъ и безпристрастiemъ, съ какимъ вѣль засѣданія В. С. Гулевичъ, какъ умѣло онъ отводилъ готовыя разразиться бури и съ какимъ тактомъ онъ выяснялъ политическому комиссару неумѣстность нѣкоторыхъ его выступленій. Справедливость требуетъ оговорить, что г-жа Познеръ («гувернантка» какъ мы ее

прозвали) была одушевляема самыми лучшими намѣреніями и, если дѣлала промахи, то по незнанию академической жизни и ея обычаевъ. И такихъ промаховъ было немного.

Выборы товарища декана заняли два засѣданія. Студенты выставили кандидатуру профессора Б. и упорно держались за нее. Но собрать большинства онъ не смогъ. Баллотировался онъ четыре раза, но безуспѣшно. Съ другой стороны проваливались и кандидаты старой профессуры. Наконецъ, послѣ безконечныхъ «нерывовъ» и «частныхъ совѣщавій» сошлись на приемлемой для старой профессуры кандидатурѣ. Съ другими кандидатами происходила также исторія. И на конструкцію деканата ушло больше мѣсяца. Наконецъ, факультетъ сконструировался и началась академическая жизнь. Но какая! На первый курсъ было припято по распоряженію комиссаріата 5000 человѣкъ, а помѣщенія были рассчитаны на 250 человѣкъ. На вступительной лекції по анатоміи набилась полная аудиторія и во дворѣ осталась огромная толпа. У проф. Граве на вступительной лекції одному студенту сдѣлалось дурно, по онъ остался въ стоячемъ положеніи, стиснутый толпой, и ни профессоръ, ни ассистенты не могли къ нему подойти, пока аудиторія не была частью освобождена. Это все было на первыхъ лекціяхъ. Но скоро рвение остыло, а съ наступленіемъ морозовъ занятія фактически прекратились.

Дровъ у университета не было, и въ аудиторіяхъ стояла температура отъ минусъ трехъ до плюсъ двухъ градусовъ, глядя по погодѣ. Читать чисто теоретическую лекцію, сопровождая ихъ показываніемъ рисунковъ было, хотя и трудно, но все же возможно. О настоящихъ же демонстраціяхъ, особенно, чтеніи на больныхъ, не могло быть и рѣчи. А безъ демонстрацій что же за лекціи на медицинскомъ факультетѣ? Практическая занятія вести было невозможно при установленной температурѣ, и академическая жизнь замерла на всю зиму. Лабораторіи и музеи въ нетопленыхъ помѣщеніяхъ стали постепенно разрушаться. Какъ то я зашелъ въ патолого-анатомический институтъ и увидѣлъ картину: въ коридорѣ лежали сваленные въ кучи ледяные кубики въ родѣ брусковъ искусственного льда. Это были замерзшіе вынутые изъ лопнувшихъ банокъ, зачастую рѣдчайшия препараты, представляющіе огромную цѣнность.

Въ клиникахъ количество больныхъ сократилось до минимума, и могущіе ходить проводили цѣлый день въ «кубовой», гдѣ топились печи. Здѣсь же происходили врачебные осмотры и нѣчто въ родѣ лекцій.

Почти вся академическая жизнь сосредоточилась на засѣданіяхъ факультета, которая въ силу его огромности посыпала зачастую сумбурный характеръ, доходившій при баллотировкахъ до того, что никто не понималъ, какой вопросъ и въ какой формулировкѣ баллотируется. (В. С. Гулевичъ вскорѣ послѣ начала учебного года былъ избранъ ректоромъ и ушелъ изъ декановъ). Особенно донимали декреты, зачастую противорѣчивые и въ большинствѣ невыполнимые. Разобраться въ нихъ въ собраніи въ 300 человѣкъ было, конечно, немыслимо, и пришлось избрать особую постоянную комиссию для ихъ толкованія, которую такъ и называли «декретная комиссія».

Весною было решено устроить лѣтній семестръ для пополненія дефектовъ зимняго. Но пополнить удалось немногое и на экзаменахъ студенты поражали певѣжествомъ, котораго раньше даже и представить себѣ было невозможно.

Моя работа цѣликомъ сосредоточилась въ этомъ году въ новой лабораторіи, которую удавалось отапливать, гдѣ было еще запасъ реактивовъ и гдѣ подобрались очень хороши врачи. Работа у насъ шла во всю, и даже удалось провести повторительные курсы для врачей. Было сдѣлано несолько интересныхъ научныхъ работъ, напечатать которыхъ сожалѣю было негдѣ. Но моя лабораторія была однимъ изъ немногихъ счастливыхъ исключеній, благодаря тому, что удалось получить какимъ то чудомъ дрова и благодаря тому, что врачи ея отличались совершеніемъ исключительно любовью къ дѣлу. Значительное же большинство московскихъ научныхъ лабораторій стало уже въ эту зиму.

* * *

Насколько замерла научная работа Москвы, настолько оживилась театральная. Помимо переполненныхъ театральныхъ и концертныхъ залъ спектакли и концерты шли непрерывно во всякихъ пролеткультахъ, клубахъ, организаціяхъ, лазаретахъ и т. д. Прежняя интеллигентская публика оказалась совершенно вытѣсненной изъ театральныхъ и концертныхъ залъ, которые наполнялись солдатами, матросами, рабочими и представителями «новой буржуазіи». Но это былъ подъемъ лишь количественный. Качественно же театральное искусство въ Москвѣ упало, какъ никогда. Ни одинъ серьезный театръ не далъ послѣ большевистской революціи ни одной новой достойной вниманія постановки.

А насколько я понялъ изъ разговоровъ со многими артистами, никогда они еще не получали такъ мало удовлетворенія отъ своей работы. По крайней мѣрѣ никогда раньше у русского актера я не замѣчалъ и намека на недоброжелательство къ публикѣ. А теперь ничего кроме презрѣнія къ публикѣ я отъ нихъ не слышалъ. Случайно одинъ артист Большого театра сказалъ мнѣ, что онъ всѣ оперные костюмы одѣваетъ наверхъ толстой лыжной фуфайки (обычный московскій костюмъ того времени) и, когда я удивился этому, онъ со злостью спросилъ:

— А для кого я мерзнуть стану? Для товарищей и пхъ дамъ, которыхъ во время моего пѣнія подсолнухи лущатъ?

Другой драматический артист жаловался мнѣ:

— Вы не можете себѣ представить, что переживаешь, когда сидишь въ петопленной уборной въ одномъ бѣльѣ и натираешь лицо полузамерзшей краской. А въ головѣ одна мысль — для кого ты стараешься, и что въ твоей игрѣ понимаютъ?

А многіе оперные артисты говорили мнѣ, что наибольшее удовлетвореніе они получали отъ церковныхъ концертовъ. Многіе церковные приходы, желая прійти на помощь своимъ священнослужителямъ, стали устраивать въ церквяхъ платные концерты, на которыхъ оперные артисты исполняли духовныя пѣснопѣнія. И эта новая для нихъ музыка удовлетворяла ихъ больше привычной работы на сценѣ, благодаря иному составу слушателей. Разъ я слышать Шаляпина и никогда я не видѣлъ его на эстрадѣ такимъ злыムъ. Съ самаго его выхода начались крики «дубинушку». Шаляпинъ, исполнявшій программный номеръ во фракѣ, вышелъ въ шубѣ, буквально прокричалъ «дубинушку» и уѣхалъ. А передъ моимъ

отъѣздомъ одинъ изъ большихъ симфоническихъ дирижеровъ, прощаюсь со мною, говорилъ мнѣ беззвучнымъ злымъ шепотомъ.

— Бетховена! Вѣдь я имъ подлецамъ Бетховена дирижирую. И они думаютъ, что это и дальше такъ пойдетъ. Нѣть, дудки.

Теперь, когда я пишу эти строки, этотъ дирижеръ находится въ Парижѣ.

Что особенно убивало артистовъ, это — халтуры по всевозможнымъ проституциямъ и солдатскимъ клубамъ. А на нихъ приходилосьѣздить по тому, что за многія платили продуктами. Кромѣ того на этихъ халтурахъ открывалась возможность напиться чаю съ настоящимъ сахаромъ, а иногда получить къ нему даже п бутербрюдъ, намазанный топленымъ масломъ. Отправлялись на такие концерты всѣ участники сразу. Пѣшкомъ съ пустыми мѣшками собирались они въ назначенное мѣсто въ центрѣ города, гдѣ ихъ ждалъ грузовикъ или нѣсколько дровней; и обратно возвращались тѣмъ же порядкомъ, но уже съ полными мѣшками. Одна изъ ученицъ бабки, очаровательное колоратурное сопрано, специалистка по Моцарту и французскимъ Bergerettes XVIII вѣка, жила главнымъ образомъ этими халтурами.

— Если бы я могла спѣсть имъ «дубинушку», мечтала она всегда.

Такъ мы просуществовали зиму. Жить не жили, а прозябать кое-какъ удавалось.

*

*

*

Несмотря на категорическое заявленіе медицинского факультета о невозможности принять на первый курсъ больше 300 человѣкъ, весною выяснилось, что будутъ приняты всѣ желающіе. Представленіе о томъ, что на медицинскій факультетъ нельзя принимать людей безъ опредѣленной подготовки, тоже было оставлено безъ вниманія и попрежнему единственнымъ условиемъ пріема осталось достиженіе 16-ти лѣтъ (о необходимости умѣть читать и писать хотя бы по ореографіи Мануйлова-Луначарского условия пріема не упоминали). Если даже принять во вниманіе, что далеко не всѣ принятые посѣщають университетъ, то и при этомъ условіи обѣ удовлетворенія потребностямъ преподаванія существующими учебно вспомогательными университета не могло быть и рѣчи. Поэтому поднялся вопросъ обѣ открытии новаго медицинскаго факультета, за что взялся московскій университетъ. Я былъ избранъ въ комиссию и лѣто у меня прошло въ интенсивной работе. Съ осени удалось открыть новую школу. Въ качествѣ клиникъ мы получали огромный генеральный военный госпиталь Петра I (2400 кроватей). Мы надѣялись, что военному вѣдомству удастся отапливать госпиталь и что такимъ образомъ будутъ налажены клиническія занятія. Но наши надежды, увы, не сбылись.

Осень началась при тяжелыхъ ауспиціяхъ. Домовые комитеты были разгромлены и управление домами было передано назначеннымъ центральной властью квартальнымъ управлениемъ (квартупхозамъ). Въ результатѣ цѣны на квартиры сразу вскочили вдвое и всѣ дома съ центральнымъ отоплениемъ остались безъ дровъ. Кромѣ того, были прекращены какіе бы то ни было ремонты, починки водопроводовъ, канализаций и т. д. Пришлось запасаться дровами каждой квартирѣ въ отдельности и ставить печи. Тутъ проявилось

въ полной силѣ тяготѣющее на большевикахъ проклятие: къ чему бы ни прикасались эти коммунисты, отовсюду безъ остатка вытравлялись коммунистическая нача и, взявъ въ свои руки управление московскими домами, они первымъ долгомъ замѣнили коммунистическое центральное отопление индивидуальнымъ печнымъ. Съ осени же началась массовая ломка деревянныхъ домовъ на топливо. Жильцы дома, подлежащаго слому, выбрасывались воинъ, а организація, получая ордеръ на домъ, запасшись соотвѣтственными инструментами, приступала къ слому. Какъ только на улицѣ раздавался грохотъ падающихъ балокъ, населеніе сбѣгалось и окружало счастливцевъ, получившихъ домъ. Каждый поровинѣ утащить хоть нѣсколько щепокъ. Наблюдающій за сломомъ милиціоверъ строго следилъ, чтобы домъ достался именно тѣмъ, кто имѣлъ на него ордеръ и время отъ времени стрѣлялъ для острастки въ воздухъ и тогда толпа сразу разсыпалась. А черезъ минуту она уже снова была на мѣстѣ и высматривала плохо лежащіе щепки и чурбаны. Приступали къ сломкѣ рано утромъ и спѣшили закончить ее къ вечеру, ибо оставить на ночь полуразрушенный домъ значило утромъ найти уже пустое мѣсто. По окончаніи сломки предстояла трудная задача — безъ всякихъ перевозочныхъ средствъ доставить балки и доски по назначению. Дѣлалось это такъ: на балку нацидывалась веревка, въ которую впряженіе смотря по толщинѣ и длине одинъ, два и больше человѣкъ и они волокомъ тащили балку по улицамъ. Иногда приходилось видѣть всю улицу занруженную людми, тащащими въ разныя стороны длинныя толстыя бревна. Въ результатѣ Москва рѣзко измѣнила свой обликъ. Къ концу осени, столь характерныхъ для нея деревянныхъ домиковъ съ мезонинами совсѣмъ не стало. Не стало и ея безко нечныхъ деревянныхъ заборовъ (послѣдніе растаскивались ночами безъ всякихъ ордеровъ). Рядъ улицъ превратился въ новыя большія площади съ учло торчащими посреди нихъ остатками нечей. Когда то отгороженные отъ улицъ заборами, частные сады соединились съ послѣдними и тоже образовали площади. Иной разъ даже трудно было ориентироваться въ мѣстности и получалось впечатлѣніе, что ошибся дорогой.

Осенью съ пропитаніемъ стало замѣтно хуже, чѣмъ лѣтомъ. Картина запустѣнія все увеличивалась. Трупы лошадей попадались на улицѣ все чаще и чаще. Они, конечно, не убирались за неимѣніемъ перевозочныхъ средствъ, да и нужды въ этомъ не было, ибо такой трупъ очень быстро пожирался собаками. Какъ быстро онѣ справлялись со своимъ дѣломъ, ты можешь заключить изъ слѣдующаго примѣра. Однажды я, идя въ лабораторію, увидѣль на Кремлевской набережной трупъ лошади. Она, очевидно, только что нала. По крайней мѣрѣ около нея было всего двѣ собаки. Одна едва начала обдирать заднюю ногу, другая, прогрызши животъ, лакомилась внутренностями и отъ нея былъ виденъ только хвостъ и задня ноги; это было въ половинѣ одиннадцатаго. А въ три, когда я шелъ домой, отъ лошади остался лишь скелетъ. Студенты въ анатомическомъ театрѣ не справились бы такъ быстро съ этой работой и едва ли бы отработали скелетъ чисто и аккуратно.

*

*

*

Съ осени работать въ лабораторіи стали гораздо труднѣе. Запасы реактивовъ истощились и пришлось добывать новые. А это было не легко. Для бѣготни за разрѣшеніями на покупки я приспособилъ одного изъ служителей, расторопнаго и пронырливаго буржуйчика, бывшаго владѣльца национализированной часовой мастерской. Онъ цѣлые дни бѣгалъ по всякимъ центрамъ, икамъ, комамъ, главкамъ, хозамъ, продамъ и пр. Но дѣло плохо спорилось. Въ какихъ условіяхъ приходилось работать, ты поймешь изъ слѣдующаго примѣра. Для моихъ работъ постоянно нужна менделѣевская замазка — смѣсь воска, канифоли и муміи. Раньше, когда выходилъ запасъ замазки, я давалъ служителю цѣлковый, онъ бѣжалъ въ ближайшую скобяную лавочку и черезъ 20 минутъ замазка была готова. Теперь, когда она мнѣ понадобилась, пришлось сначала найти все нужные составные части, а затѣмъ получить разрѣшеніе на покупку. Все, что нужно, нашлось въ ближайшей скобяной лавкѣ, но воскъ оказался на учетѣ въ центрожирѣ, канифоль въ центросмолѣ, а мумія въ центрокраскѣ. Всѣ три учрежденія помѣщались на трехъ различныхъ окраинахъ Москвы, а лабораторія на четвертой. Написали три бумаги и часовщикъ ихъ началъ разносить (трамвай къ этому времени пересталъ ходить). На это ушло три полныхъ дня. Слѣдующіе три дня ушли на получение отвѣтовъ, которые все гласили одно: сообщить подробнѣо, для какихъ именно работъ нужны просимыя вещества и мотивировать необходимость производства этихъ работъ. Написали еще три бумаги. Еще шесть дней ушли на бѣготню. Два учрежденія дали разрѣшеніе на приобрѣтеніе, а одно отказалось, и я, прогонявъ двѣ педѣли человѣка, замазки все таки не получилъ. Что же мудренаго въ томъ, что мой часовщикъ сбѣжалъ, ссылаясь на дороговизну сапогъ. Разстались мы большими друзьями и онъ на прощанье предложилъ сдѣлать мнѣ серебряную зажигалку (спички достигли 60 руб. за коробокъ).

— Можетъ быть, у васъ найдется пара ломанныхъ серебряныхъ ложекъ. Принесите — я сдѣлаю изящную вещицу.

Ложки я принесъ и черезъ педѣло получиль зажигалку. Она работала великолѣпно.

— А вы на сѣть посмотрите, похвалился часовщикъ, и показаль на два маленькихъ кругленькихъ стеклышка. Я посмотрѣль и обмеръ.

— Плакали мои ложки, подумаль я про себя, зажигалку съ такими картинками нельзя вынуть изъ кармана въ приличномъ обществѣ. Перестарался мой часовщикъ.

И я вспомнилъ исторію съ замазкой. Достать нужныхъ реактивовъ нельзя, а такой мерзости, какая вставлена въ зажигалку, сколько хочешь.

Вскорѣ на лабораторію свалилось новое песчастіе. Доставать опытныхъ животныхъ до сихъ поръ было трудно, но все же возможно. Свинка стоила 200 руб. Иногда за нихъ приходилось посылать въ Орель, что обходилось дороже, но все же свинки были. Итакъ дѣло шло, пока комиссаріатъ здравоохраненія (наркомздравъ) не рѣшилъ централизовать дѣло снабженія лабораторій животными (учредить центросвинку, какъ сострилъ мой ассистентъ). Во всѣ города, где имѣлись питомники, былъ отправленъ чивовникъ, который реквизировалъ всѣхъ свинокъ и привезъ ихъ въ Москву — 420 штукъ. Изъ нихъ черезъ недѣлю издохло отъ неумѣлаго ухода 409, а 11 были отправлены на поправку въ деревню, въ качествѣ неприкосновеннаго запаса. Мы же остались безъ свинокъ. Или, вѣри ѿ, почти безъ

свинокъ, ибо кое что отъ реквизицій все таки уцѣлѣло, но цѣна сразу же поднялась до 1000—1500 за свинку и находить ихъ стало очень трудно. Такихъ денегъ лабораторія платить не могла и работы почти прекратились. А съ наступлениемъ морозовъ онѣ и совсѣмъ стали; ибо разрѣшить топливнаго вопроса мы не смогли.

Работа стала не только въ лабораторіяхъ, но сдѣлалась почти невозможной даже въ канцеляріяхъ, ибо замерзло чернило. А отогрѣвать его было нечѣмъ. Пришлось выработать новый методъ растапливанія льда безъ огня. Для этого пѣсколько совѣтскихъ барышень садились около чернильницы и начищали усиленно дышать на нее, пока чернило не оттаетъ. Къ сожалѣнію оно вновь замерзло и процессъ оттаивания требовалъ гораздо больше времени, чѣмъ процессъ замерзанія. Такъ что совѣтскія дѣвицы большую часть времени службы употребляли не на писаніе, а на дышаніе на чернильницу. Работа шла, конечно, въ шубахъ, шапкахъ и теплыхъ перчаткахъ. Однажды, зайдя въ одинъ изъ пархозовъ къ знакомому инженеру, я засталъ въ его канцеляріи слѣдующую картину. Четыре дѣвицы въ шубахъ возились съ большой пилой около громаднаго покрытаго корой пня въ полтора обхвата, тщетно пытаясь нанилить изъ него дровъ. Какъ онѣ бѣдненькія умудрились втащить эту машину на четвертый этажъ, я до сихъ поръ не пойму. Очевидно страхъ окончательно замерзнуть придалъ имъ силы.

— Здѣсь Иванъ Ивановичъ? спросилъ я.

Но онѣ были такъ заняты своей пилой, которую едва удерживали въ равновѣсіи, что даже не оглянулись. А на столахъ лежали кучи подлежащихъ исполненію бумагъ.

*

*

*

Съ наступлениемъ холодовъ сыпной тифъ достигъ поистинѣ гомерическихъ размѣровъ. Прошлогодняя эпидемія намъ казалась кошмарной, но тогда смертность была невелика. Теперь же она значительно увеличилась, а заболѣваемость по весьма несовершенной статистикѣ бывшаго IX отдѣленія управы возрасла приблизительно втрое. Условія пользованія больныхъ въ больницахъ представить себѣ трудно. Больные лежали въ петопленныхъ палатахъ въ собственномъ бѣльѣ, почти безъ присмотра, ибо въ больницахъ сыпнотифозныхъ больницъ изъ врача приходилось 150—200 больныхъ, а въ нѣкоторыхъ и больше. Переполненіе достигало крайнихъ предѣловъ и число больныхъ въ больницахъ превышало число кроватей. Въ разгарѣ заболѣвавія сыпнотифозные находятся въ сильно возбужденномъ состояніи — бредятъ, кричатъ, поютъ, ловятъ чортиковъ, бѣгаютъ по палатамъ, высакиваютъ въ окна. Такихъ больныхъ за неимѣніемъ снотворныхъ приходилось связывать. За отсутствіемъ же горячечныхъ рубахъ ихъ просто привязывали въ кроватямъ, чѣмъ попало. Если ты это все вспомнишь, то поймешь, какой адъ творился въ такихъ биткомъ набитыхъ палатахъ съ воющими больными, привязанными къ кроватямъ. Тамъ обычно стоялъ такой содомъ, что разговаривая съ сидѣлками, приходилось почти кричать. Къ этому нужно прибавить почти полное отсутствіе лѣкарствъ и инструментовъ.

Какъ то я разговорился съ однимъ милымъ молодымъ врачомъ, докторомъ Павловымъ, который частенько заходилъ ко мнѣ въ лабораторію. На его долю въ больницѣ приходилось до 300 больныхъ.

— Ну скажите, что же вы дѣлаете на обходахъ?

— Щупаю пульсъ.

— И больше ничего?

— А что же я еще могу дѣлать?

— А если пульсъ плохъ?

— Когда есть сердечные, назначаю ихъ.

— А часто онѣ бываютъ?

— Разъ на разъ не приходится.

— Ну а предосторожности принимаете?

— Какія же могутъ быть предосторожности, усмѣхнулся онъ. Безъ халата не хожу, воротникъ халата и рукава мочу въ керосинъ, когда онъ есть. Но только это ни къ чему. Попробуйте ка сюда не впustить вошь.

И онъ поднялъ ногу. Сапоги у него расположились, пальцы вылезали наружу, на задникахъ сіяли дыры.

Дня черезъ три онъ зашелъ ко мнѣ изъ больницы съ температурой. Я забеспокоился, не сыпнякъ ли.

— Возможно, сказать онъ просто. Но начало что то не характерное, возможно, что обойдется.

Черезъ четыре дня я былъ на его отпѣваніи.

Въ эту эпидемію врачи заболѣвали въ огромномъ количествѣ и мало кто изъ заболевшихъ выздоравливавъ. Такъ что тѣмъ, кто успѣль перенести сыпной тифъ въ прошломъ году, когда эпидемія была не такая злая, всѣ завидовали.

Такая же картина запустѣнія, какъ въ больницахъ, наблюдалась и въ аптекахъ, которые стояли почти безъ лѣкарствъ. Къ тому же онѣ были национализированы, въ нихъ бытъ введенъ 8-ми часовой рабочій день, всѣ аптекарскіе ученики стали чиновниками, и въ аптеку сразу ворвался чуждый ей дотолѣ духъ бюрократизма. Раньше сутокъ послѣ заказа лѣкарство получить стало невозможнымъ. Это въ лучшемъ случаѣ, а то срокъ изгото-вленія назначался въ 2—3 дня. Никакія просьбы и мольбы не помогали. Про-фессія врача развиваетъ черствость — это несомнѣнно, ибо врачъ на страданія больного никогда не реагируетъ такъ живо, какъ рядовой обыватель. Есть эта черствость, конечно, и во мнѣ. И не смотря на нее, нѣкоторыя сцены, которыя я видѣлъ въ аптекахъ, потрясли меня до глубины души. Особенно рѣзко запечатлѣлась одна изъ такихъ сценъ. Мужчина среднихъ лѣтъ пришелъ за лѣкарствомъ.

— Адреналина пѣть, отвѣтили ему.

— А безъ адреналина вы сдѣлали?

— Прописано съ адреналиномъ.

— Такъ я же иросилъ, если не будетъ адреналина, сдѣлать безъ него.

— Прописано съ адреналиномъ.

Мужчина заплакалъ.

— Моя жена при смерти, лепеталъ онъ, я сутки жду солевого раствора для вливанія, и вы его не хотите сдѣлать. Когда же вы сдѣлаете?

— Черезъ 24 часа.

Господинъ взялъ рецептъ и, шатаясь, вышелъ. А я отозвалъ въ сторону аптекаря, пошептался съ нимъ и, уплативъ ему баснословную сумму, положилъ въ карманъ цѣлую банку съ адреналиномъ, который былъ необходимъ задыхавшейся въ астматическомъ припадкѣ бабкѣ. Ушедшему и съ чѣмъ господину нужно было всего нѣсколько капель адреналина, но онъ къ сожалѣнію ушелъ раньше и я не могъ подѣлиться съ нимъ. Пришлось утѣшить себя тѣмъ, что «соціологический опытъ», объектомъ коего былъ плакавший въ аптекѣ мужчина, течеть совершенно правильно, какъ предсказалъ Ленинъ: за нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ по Москвѣ ходило его весьма глубокомысленное изреченіе.

— То, что теперь у насъ, еще не голодъ. Голодъ будетъ тогда, когда 10 человѣкъ будутъ драться изъза одной дохлой крысы.

Мудрено ли, что при такихъ условіяхъ смертность въ Москвѣ достигла небывалыхъ размѣровъ и что хоронить покойниковъ становилось съ каждымъ мѣсяцемъ труднѣе. Въ 1918 году я хоронилъ свою мать. Совѣтскія похороны стоили тогда 600 рублей, причемъ гробъ давался на прокатъ и везли его на кладбище на дровняхъ. Ждать очереди приходилось въ среднемъ около 10 дней, въ теченіе которыхъ покойникъ разлагался въ квартирѣ. Я заплатилъ за похороны 3000 руб. и получилъ на пятый день въ собственность простой еловый гробъ, но слегка подкрашенный въ коричневый цвѣтъ и обитый узенькимъ позументомъ по краю, и дороги въ одну лошадь. Помогалъ мнѣ во всемъ мой часовщикъ. Мы поставили гробъ на дороги и тронулись на кладбище. На душѣ было тяжко и обидно. Никогда не думалъ раньше, что придется хоронить свою мать, какъ пищу. А когда мы шли по Арбату, я услышалъ нѣсколько замѣчаний.

— Вотъ это гробъ такъ гробъ! говорили встрѣчные бабы. Его обратно уже не повезутъ. Это похороны.

На кладбищѣ я понялъ ихъ восторгъ, увидѣвшіи совѣтскія похороны, и разсмотрѣвъ черезъ щели гробовъ полуразложившіеся трупы, которые вытряхивались въ общія ямы.

Это было въ 1918 г., а въ 1919 съ похоронами стало куда хуже. Мой товарищъ докторъ С. хоронилъ жену. Везти ее ему пришлось уже не на дорогахъ, а въ извозчичихъ санкахъ, поставивъ гробъ на колѣни. Дорогой санки перевернулись на сугробѣ и гробъ покатился по улицѣ.

* * *

Съ осени я сосредоточилъ свою дѣятельность на новой школѣ и читалъ лекціи въ Лефортовскомъ госпиталѣ. Когда выпалъ снѣгъ, трамваи окончательно стали и пришлось ходить на лекціи пѣшкомъ. Выходилъ я изъ дома въ 8 часовъ утра. Въ это время улицы обычно были полны народомъ, который шелъ молча, опустивъ угрюмо головы, съ пустыми мѣшками за плечами или съ салазками. Это московская интеллигенція, вынѣтъ армія совѣтскихъ чиновниковъ, отправлялась на службу и въ чаяніи перехватить гдѣнибудь мерзлой картошки тащила мѣшкі и салазки. Большинство было въ самодѣльныхъ теплыхъ сапогахъ, нѣкоторые въ валенкахъ. Попадались люди, завернутые вмѣсто шубъ въ байковыя одѣяла и подпоясанные веревками. Я вступалъ въ ряды этой арміи и начиналъ отмѣривать версты. Чѣмъ дальше я шелъ, тѣмъ больше рѣдѣли ряды прохожихъ, которые постепенно

расходились по своимъ учреждениямъ. Къ 10 часамъ улицы пустѣли и снова сразу наполнялись около 4 часовъ, когда армія направлялась домой. Большинство тащили салазки и мѣшки онять пустыми, ибо добыть продукты удавалось не всякому. Къ этому времени на перекрестки и площади выполняли бабы съ ведрами горячей каши, и нѣкоторые изъ толпы, вытащивъ ложки, остававались пообѣдать. Это были немногіе счастливцы, ибо лакомое блюдо изъ хорошей крупы съ масломъ стоило очень дорого. Большинство довольствовалось дешевыми обѣдами въ «комиссаріатскихъ» столовыхъ изъ двухъ блюдъ. На первое обычно давалась горячая, ничѣмъ не подкрашенная, вода съ небольшимъ количествомъ вареной капусты, а иногда и съ хвостикомъ воблы. На второе мерзлая вареная картофелина, иногда политая клюквеннымъ отваромъ. Изрѣдка давалось на второе четверть селедки. Тогда въ столовой былъ настоящій праздникъ. Нѣкоторые, съѣвъ такой обѣдъ на службѣ, второй забирали домой на ужинъ. Но это допускалось не во всѣхъ комиссаріатахъ.

По дорогѣ въ госпиталь я обычно дѣлалъ двѣ остановки на 20 минутъ для отдыха и въ госпиталь приходилъ къ половинѣ одиннадцатаго. Въ нетопленной аудиторіи, не снимая шубы, шапки и перчатокъ, я читалъ, едва ворочая отъ усталости языкъ, двухчасовую лекцію безъ какихъ либо намековъ на демонстраціи. Слушалъ меня десятокъ, другой такихъ же усталыхъ и замерзшихъ студентовъ, пришедшихъ сюда съ мѣшками мерзлой картошки за плечами. По окончаніи лекціи я шелъ отдохнуть въ одно изъ отдѣленій госпиталя, гдѣ, не снимая шубы, валился на вшивую кровать, а черезъ часъ уходилъ домой, куда попадалъ къ половинѣ четвертаго: и того одна двухчасовая лекція отнимала у меня $7\frac{1}{2}$ часовъ.

Послѣ одной изъ такихъ лекцій я зашелъ въ анатомической театръ и засталъ прозектора за работой: онъ при помощи Григорія вытаскивалъ мебель и инструменты изъ небольшого кабинетика рядомъ съ комнатой служителей.

— Готовлю себѣ съ женой зимнее логовище, объяснилъ онъ. Тутъ общая печка со служителями, значитъ, будетъ тепло.

У него была казенная квартира въ госпиталѣ изъ трехъ хорошихъ комнатъ, а освобождаемая комната была маленькая — 4 на 5 аршинъ, рядомъ со вскрычной и выходила въ коридоръ, по которому носили трупы.

— Неужели же вы не можете отопить хотя бы одной комнаты? спросилъ я.

— Отопить бы можно, да ко мнѣ вселили слесаря — вотъ главное.

Я вспомнилъ, глядя на него, о томъ, какой скандалъ поднялъ во-время войны командующій войсками, когда увидѣлъ при посѣщеніи госпиталя, что въ зданіи анатомического театра живутъ служители. А ихъ комната была втрое больше этой и занимала изолированное положеніе.

— Что же, Григорій, вы все еще большевикъ? спросилъ я своего пріятеля.

— Никакъ неѣть, г. докторъ. Я теперь никто.

— Что такъ? Разочаровались въ программѣ?

— Программы все хороши, отвѣтилъ онъ сердито. А вотъ поступаютъ все скверно.

Такъ завершилась политическая эволюція Григорія, отъ безсознательныхъ къ беспартийнымъ черезъ эсъ-эрство и коммунизмъ.

*

По дорогѣ въ госпиталь я обычно отдыхаю въ трамвайныхъ будочкахъ на наружныхъ скамейкахъ, ибо зайти внутрь было невозможно по очень простой причинѣ, съ которой я ознакомился во время первого же рейса въ госпиталь. Когда я пошелъ въ будку на Театральной площади, я наткнулся въ углу на огромную кучу испражненій. Отскочилъ въ другой, но и тамъ было тоже. Рѣшивъ присѣсть на наружной скамейкѣ, я повернулся къ выходу и увидѣлъ сидящаго на корточкахъ солдата, привѣтливо смотрѣющаго на меня.

— Не стѣсняйтесь, товарищъ, присаживайтесь, пригласилъ онъ меня.

— Я не стѣсняюсь, но только вѣдь это трамвайная будка.

— Да вѣдь мы ихъ давно въ и—ки обратили, самодовольно нохвалились онъ.

Это происходило въ двухъ шагахъ отъ общественной ретирады. Вообще я долженъ сказать, что правящій классъ Российской соціалистической федеративной совѣтской республики (эр—эс—эф—эс—эр) имѣлъ въ то время весьма смутное представление о назначеніи ватерь-клозетовъ. Одинъ изъ артистовъ Большого театра, которому много приходилось пѣть въ различныхъ пролеткультахъ, заявившихъ лучшіе московскіе особняки, повѣдалъ мнѣ, что въ большинствѣ изъ нихъ онъ находилъ чашки унитасовъ идеально чистыми, но за то кругомъ на полу лежали громадныя кучи испражненій. Такія же кучи онъ находилъ и въ роскошныхъ ваннахъ этихъ особняковъ. Причемъ нерѣдко зловонная жидкость вытекала и въ коридоръ.

Во время большевистскаго возстанія въ Маломъ театрѣ было какое то большевистское учрежденіе. И когда артисты въ первый разъ вошли въ «домъ Щепкина», они нашли полы своихъ уборныхъ покрытыми такими же кучами. А я своими глазами видѣлъ въ 1918 году протоколъ ученаго комитета главнаго всенародно-санитарного управления, въ которомъ прочитать слѣдующее. Одинъ полковой командиръ сообщалъ, что его казарма пастолько загрязнена человѣческими испражненіями, что жить въ ней уже нельзя. Сначала онъ хотѣлъ ее очистить и вывезти нечистоты, но ихъ оказалось столько, что у полка не хватить перевозочныхъ средствъ. Тогда онъ стать думать о томъ, чтобы сжечь ихъ во дворѣ казармы. Но встрѣтилась новая бѣда. Въ его распоряженіи не оказалось достаточнаго количества горючихъ материаловъ. И теперь бѣдный полковой командиръ, стоя безпомощно передъ этими благоухающими горами, запрашиваетъ ученый комитетъ, не изыщеть ли тотъ какое либо средство для ихъ уничтоженія, «доступное въ условіяхъ времени и мѣста». Эта поучительная для потомства исторія хранится теперь за соответственнымъ номеромъ въ дѣлахъ учелаго комитета съ приложеніемъ рапорта, подписанаго безпомощными караулами полкового командира.

По вечерамъ, раза два въ недѣлю, та армія интеллигентовъ, находящихся на совѣтской службѣ, которая ежедневно отъ 8 до 10 и отъ 4 до 6 заполняла пустынныя обычно московскія улицы, выгонялась для очистки сїга. Раньше это дѣлали дворники. Но теперь они были заняты другимъ, болѣе важнымъ дѣломъ — они кормили насъ. Не будь этихъ благодѣтелей, продававшихъ намъ по баснословнымъ цѣнамъ пищевые продукты, добываемые отъ деревенскихъ «родственниковъ», мы, конечно, давно умерли бы съ голоду. А поэтому намъ нечего было роптать на то, что мы дѣлаемъ и ихъ работу, а они, наши кормильцы, заложивъ руки за спину, важно прохаживаются около васъ и смотрятъ, чтобы буржуи работали, какъ слѣдуетъ. Да по

правдѣ сказать, мы и не работали, а только дѣлали видъ, что работаемъ. И въ результатѣ вашей работы улицы только ухудшались. Если бы онъ были предоставлены самимъ себѣ, онъ къ концу зимы стали бы только на аршинъ, полтора выше тротуаровъ (тротуары чистили дворники), но по нимъ можно было бы ъздить. А послѣ пашего вмѣшательства снѣга не убавлялось, за-то улицы превращались въ нечто похожее на замерзшія морскія волны и ъздить по нимъ было еще труднѣе, чѣмъ по «желѣзному озеру» берлинского Луван-парка. Но пась это не касалось, ибо (большевики достаточно развили въ нась классовое самосознаніе) — мы ходили пѣшкомъ, а ъздили только комиссары. И выгоняли нась сюда только ради нихъ. Такъ какой же смыслъ былъ намъ трудиться? Правда, иногда и нашему брату приходилось прокатиться въ автомобилѣ, но это къ счастью доводилось не часто и не всякому, и такихъ прогулокъ мы боялись пуще огня.

*
* *

Но не подумай, малютка, что нашего брата возили въ автомобиляхъ исключительно въ чрезвычайку. Бывало и иначе, особенно съ врачами. Какъ то утромъ на Дѣвичьемъ полѣ я встрѣтилъ нашего декана завтрающимъ: онъ на ходу очищалъ перочиннымъ ножомъ сырую морковку и съ видимымъ отвращеніемъ глоталъ ее. А черезъ два часа я встрѣтилъ его уже у себя въ переулкѣ на автомобилѣ, прыгающимъ по проложеннымъ моими руками рѣтвицамъ.

— Батюшки, подумалъ я, М—а въ чрезвычайку везутъ.

Но гляжу — нѣть, не похоже. Съ нимъ только одинъ человѣкъ, да и тотъ вполнѣ приличнаго вида, а самъ онъ сидѣть важно, развались, будто и впрямь комиссаръ ъдетъ. Что за притча?

Черезъ нѣсколько дней въ засѣданіи факультета я рассказалъ ему о своемъ испугѣ, но онъ мечтательно улыбнулся и глаза его подернулись матовой влагой.

— Меня вызывали въ Метрополь (тамъ помѣщались квартиры народныхъ комиссаровъ и видныхъ коммунистовъ).

Истинный смыслъ этой счастливой улыбки и затуманенного взора, я понялъ нѣсколько дней спустя, особенно въ сопоставленіи съ его завтра-комъ сырой морковкой. Я сидѣлъ въ дежурной комнатѣ одной изъ московскихъ больницъ, послѣ дѣлѣжки привезенной изъ провинціи партіи мерзлого картофеля. Въ углу укладывалъ свой мѣшокъ известный московскій педіатръ Ю. Онъ считалъ, что ему не додали двухъ съ половиною фунтовъ и, завязывая веревку, отчаянно ругался. Пиджакъ на немъ, несмотря на надѣтую подъ нимъ толстую лыжную фуфайку, висѣлъ, какъ на вѣшалкѣ. Когда то полное лицо исхудало до неузнаваемости и сморщилось. Высокій, крутой, лысый лобъ отъ этого выдался еще болѣе и все лицо несмотря на очки и жидкую бороденку стало похоже на лицо маленькаго ракитика.

— Чѣмъ вы были и чѣмъ вы стали? сказалъ я ему. Кто бы могъ подумать два года назадъ, что человѣкъ съ вашей практикой будетъ такъ бравиться изъ за двухъ съ половиною фунтовъ несѣдѣбнаго картофеля.

Педіатръ надѣлъ шубу, которая благодаря исчезнувшему животу, спереди висѣла почти на четверть ниже, чѣмъ сзади, и началъ укрѣплять на спинѣ мѣшокъ.

— Да, батюшка, было, да прошло. Быть когда-то и у меня собственный выездъ. А воть теперь самъ впрягаюсь.

И онъ, согнувшись подъ тяжестью мѣшка, пеловко, ловилъ за спиной ускользающую веревку. Я ему помогъ и, зная, что онъ вторую недѣлю посѣщаетъ Метрополь, гдѣ лечитъ ребенка одного изъ народныхъ комиссаровъ, спросилъ, какія новости въ сферахъ.

— Гонораръ вчера получилъ, воть какія новости. И сморщенное лицо его расплылось въ широкую улыбку.

— Небось, тысячу рублей на серебряномъ блѣдѣ вышесли?

— Да, нашли дурака. Барыня суетъ мнѣ въ руку желтую бумажку, а я отстранилъ ее и говорю: я денегъ не признаю и жду съ нетерпѣніемъ того времени, когда они будутъ доведены до полного абсурда (повторю фразу, сказанную когда то ея мужемъ). Барыня смущилась. Вы, говоритъ, докторъ, меня въ пеловкое положеніе ставите. А я говорю: извѣшился, сударыня, но я въ этомъ не виноватъ, и откланиваюсь. На другой день красноармеецъ привесъ мнѣ двухъ утокъ. Хорошая птица — сама себя жарить, мечтательно прибавилъ онъ.

— То-есть?

— Это жена моя такъ говоритъ. Значитъ, масла не нужно.

Получилъ однажды приглашеніе въ Метрополь и я. Нужно было взять кровь у одного подростка изъ комиссарской семьи для изслѣдованія, не сыпной ли тифъ. Мнѣ не хотѣлось отправляться туда и я попросилъ сѣсть одного изъ ассистентовъ. Онъ такъ формулировалъ свои впечатленія.

— Никогда бы не думать, чтобы такую гостиницу, какъ Метрополь, въ такой короткій срокъ можно до такой степени загадить.

— Очень грязно?

— Это не слово. Закатилъ у больной рукавъ колоть вену, а подъ нимъ вши ползаютъ. А ротъ! Да если бы въ доброе старое время я у себя въ 1-ой городской больнице увидѣть такой ротъ, какъ у этой бѣдной девочки, воть бы съ трескомъ вылетѣла сестра.

А бабкѣ твоей посчастливилось попасть по дѣлу не только въ Метрополь, а и въ самый Кремль, въ квартиру одного изъ влиятельнѣйшихъ народныхъ комиссаровъ. Квартира помѣщалась въ парадныхъ царскихъ аппартаментахъ. Проходя мимо зимняго сада, соединяющаго дворецъ съ оружейной палатой, бабка увидѣла, что садъ превращенъ въ сушильную для бѣлья: тамъ были развѣшаны батистовая dessous народной комиссарши.

* * *

Теперь, моя малютка, нѣсколько словъ о жизни нашей семьи въ эту зиму. Я уже сказалъ тебѣ, что центральное отопленіе не дѣйствовало и пришлось ставить печи. Онѣ были сдѣланы изъ кровельного желѣза и формой напоминали гробы. Отъ печи отходили желѣзныя трубы въ дымоходъ. Постановка одной такой печи обходилась отъ 5 до 10.000 руб., глядя по длине трубы. Это по вольнымъ цѣнамъ. По карточкамъ стоило гораздо дешевле. Но по карточкамъ давали только одинъ аршинъ трубы и одно колѣво. А мнѣ, напримѣръ, нужно было 12 аршинъ и 2 колѣна. Къ тому же съ карточкой приходилось стоять въ очередьахъ, а это, помимо потери времени, было не всегда безопасно. Такъ, поэты Балтрушайтисъ хотѣлъ

купить себѣ по карточкѣ шляпу и стать въ очередь. Произошло какое-то недоразумѣніе и всю очередь отвели въ чрезвычайку, гдѣ Балтрушайтись просидѣлъ три недѣли. Купивши печь, нужно было добыть кирпичей и глины, чтобы обложить ее изнутри, а ни того, ни другого купить было нельзя. Глины, наконецъ, гдѣ то твой отецъ добылъ и привезъ на салазкахъ. Я же натаскалъ кирпичей изъ ломаемаго по близости дома. Смѣшавшись съ толпой «безордерныхъ», я усердно разбиралъ печку. Милиционеръ нѣсколько разъ пугалъ насъ выстрѣлами, но мы продолжали дѣлать свое дѣло. Набравъ мѣшокъ кирпичей, я взваливалъ его на спину и тащилъ домой. Всего пришлось сдѣлать три рейса. У васъ въ квартирѣ былъ передъ кухней коридоръ необычайной длины, а потому вамъ пришлось покупать очевь много трубъ. Не имѣя возможности платить по 400 руб. за аршинъ, отецъ рѣшилъ замѣнить ихъ дождевыми трубами, которыя онъ ходилъ по почамъ сдирать съ сосѣднихъ домовъ. Дѣлалъ онъ это не одинъ. И къ началу зимы въ Москвѣ осталось очень мало домовъ съ цѣльми водосточными трубами. Въ большинствѣ висѣли одни остатки, рѣдко доходящіе до половины дома. Послѣ неизѣрѣятныхъ усилий мы устроили въ каждой квартирѣ по логовищу изъ двухъ теплыхъ комнатъ, гдѣ спали, ёли, работали, принимали гостей.

Дровъ намъ удалось добыть по способу цѣнѣ, изъ кооператива. Я ихъ сложилъ, копечно, не въ сараѣ, а у себя въ квартирѣ, занявши полкомнаты.

Этихъ новыхъ печей я боялся такъ, какъ ихъ и слѣдовало бояться — какъ огия. Мы устанавливали печь печникъ и я былъ спокоенъ. А въ другихъ квартирахъ работали сами жильцы и нерѣдко выводили трубы не въ дымоходы, а въ вентиляторы, обшитые деревомъ, что, конечно, угрожало пожаромъ. Я, въ качествѣ бывшаго предсѣдателя домового комитета, усиленно пропагандировалъ осторожность, бѣгаль по квартирамъ, осматривалъ проводки, словомъ надоѣлъ жильцамъ до нельзя. Когда начали топить эти импровизированные печи, пошли пожары. Въ твоей комнатѣ загорѣлась поздно вечеромъ перегородка, черезъ которую была проложена труба. Рѣдкая недѣля проходила безъ пожара. Въ тушении принимали участіе всѣ жильцы дома: рубили топорами тлѣющія перегородки, таскали ведрами воду и такъ далѣе. А грязь послѣ такого пожара приходилось убирать уже лично квартирохозяину. Наконецъ, пожары кончились и, казалось, всѣ дефекты были исправлены.

Но у насъ въ домѣ что-то не ладилось, и каждая топка сопровождалась появлениемъ дыма изъ подъ половъ. Я полѣзъ на чердакъ и увидѣлъ, что изъ щелей вентиляционнаго хода идетъ дымъ. Ясно было, что гдѣ то печь выведена въ вентиляторъ. Но гдѣ? Обошелъ еще разъ всѣ квартиры — все въ порядкѣ. Вызвалъ пожарныхъ, они осмотрѣли весь домъ и ничего не нашли. Тогда я рѣшилъ пробовать печи по очереди. Распорядившись, чтобы вездѣ огонь былъ потушенъ, я затопилъ свою печь и къ ужасу своему увидѣлъ — дымъ, выходящій изъ подъ пола. Печь потушили и сорвали трубы. Оказалось, что печникъ, взявший съ меня 1500 руб. за три часа работы, ошибся и пробилъ стѣну не надъ дымоходомъ, а надъ идущимъ рядомъ съ нимъ вентиляторомъ. Исправлять ошибку ему было лѣтъ и онъ вывелъ трубу въ вентиляторъ. Когда жильцы узнали, что я, отравляя ихъ жизнью своими осмотрами, самъ полъ зимы топилъ черезъ вентиляторъ, веселью ихъ не было предѣловъ и они нѣсколько дней не давали мнѣ проходу. Но мнѣ

было не до смѣха. Я вспоминалъ о запасахъ дровъ, сложенныхъ во всѣхъ квартирахъ и думалъ о томъ, что ты, моя малютка, прожилъ половину зимы на кострѣ, котораго чуть чуть не поджегъ твой собственный дѣдъ.

Многіе изъ жителей Москвы не сумѣли добыть себѣ печей и переселились въ ванныя, гдѣ обогревались колонками. Въ ванной жила и паша бывшая домовладѣлица. При одвомъ изъ осмотровъ печей я былъ у нея въ квартирѣ и засталъ ея дѣтишекъ въ ванной. Старшій 12-ти лѣтъ варила въ колонкѣ картофель, а младшая 6-ти лѣтъ прикурнула на скамеечкѣ, облокотившись на ванную въ ожиданіи завтрака. Электричества днемъ не было и ванная освѣщалась только печуркой. Мать ихъ была на службѣ въ одвомъ изъ безчисленныхъ «комовъ». Эти заброшенныя малютки были два года пазадъ одвими изъ богатѣйшихъ людей въ Москвѣ, и въ гостинныхъ рядомъ съ этой ванной давались еженедѣльные балы съ оркестромъ музыки. А теперь въ гостинныхъ жили какіе то пятистепенные комиссары и благодаря этому хозяйка ихъ была лишена возможности получать обычный для людей ея положенія источникъ существованія путемъ постепенной продажи обстановки и довольствовалась жалованіемъ.

Запасъ дровъ у насъ хотя и былъ, но очень небольшой и приходилось пополнять его тѣми или иными способами. Въ Гоголевскомъ училишѣ былъ когда то госпиталь, выбравшійся оттуда и отъ него осталось нѣсколько сотъ складныхъ кроватей, которыхъ были свалены въ сараѣ. Учителя рѣшили разобрать ихъ на топливо и одна изъ преподавательницъ, пріятельница твоей матери, приняла въ долю и насъ. Мать, возвращаясь изъ клиникъ, ежедневно заходила въ школу, ей выносили кровать, которую она взваливала на плечи и тащила на себѣ отъ Дѣвичьяго поля до Арбатскихъ воротъ.

Съ наступленіемъ крѣпкихъ морозовъ въ домѣ начали лопаться клозетныя трубы. Лопнули онѣ и въ нашей квартирѣ, у насъ же какъ то уѣлѣли и намъ пришлось ходить черезъ дворъ въ нашъ клозетъ. Какъ то вечеромъ, когда мы всѣ сидѣли у насъ, я пошелъ туда, захвативъ ключъ отъ чернаго хода и въ темной кухнѣ столкнулся съ двумя грабителями (это была четвертая кража у насъ). Одного я схватилъ за руку. Но онъ выстрѣтилъ изъ револьвера, и я его выпустилъ. Хорошо, что мы жили въ первомъ этажѣ — ходить было близко. А вотъ тѣмъ, кто снималъ квартиру выше, тѣмъ приходилось хуже. Эти разрѣщали канализационный вопросъ довольно своеобразно. Разостлавъ на полу номеръ «совѣтскихъ извѣстій», они слѣдовали примѣру солдата изъ трамвайной будки. Затѣмъ сложивъ «Извѣстія» въ аккуратный пакетъ, они выбрасывали его въ форточку. Пакетъ быстро превращался въ ледышку и такихъ мерзлыкъ пакетовъ валялось на улицахъ Москвы великое множество. О томъ, что съ ними будетъ, когда наступитъ оттепель никто не думалъ. Всѣ жили настоящимъ днемъ и такъ далеко, какъ время желанной оттепели, никто не загадывалъ. Вопросъ о клозетахъ сильно беспокоилъ московскіе квартирохозы. И они намѣтили разрѣшить его такъ. Всѣ клозеты предполагалось запереть и въ каждомъ домѣ оставить одинъ, отапливаемый квартирщикомъ. Хозяинъ квартиры, осчастливленный выборомъ, долженъ быть безпрепятственно впускать къ себѣ всѣхъ жильцовъ дома. Проведенія въ жизнь этого гениальнаго плана мы не дождались и уѣхали раньше его осуществленія.

На наше счастье у насъ какимъ-то чудомъ уцѣлѣлъ водопроводъ. А вотъ тѣмъ, у кого лопнула, приходилось совсѣмъ плохо. Особенно страдала отъ недостатка водопровода одна изъ моихъ ассистентокъ Ф., обаятельный человѣкъ, близкая подруга твоей матери. Она заканчивала очень интересную работу и до поздняго вечера засиживалась въ истопленной лабораторіи одна, при свѣтѣ коптящей керосиновой лампы. Домой на шестой этажѣ она возвращалась къ 8 часамъ и сейчасъ же принималась за стряпню ужина, спѣша закончить все къ приходу мужа, который возвращался къ девяти. Но для этого нужно было принести со двора воды. Черная лѣстница была очень крутая и не освѣщалась, а вода, которую расплескивали на нее изъ гедѣ жильцы дома, образовала на каждой ступенькѣ скользкіе ледяные валики.

— Повѣрите, говорила она мнѣ, когда я стою въ полной темнотѣ на этомъ покатомъ ледяномъ каткѣ съ уклономъ въ 50 градусовъ, на уровнѣ четвертаго или пятаго этажа, уцѣлившиись одной рукой за перила, а другой держа полное, тяжелое, расплескивающееся ведро, мною иногда овладѣваетъ такой ужасъ, что я готова громко кричать о помощи.

Вставъ утромъ, мы справляли хозяйственныя дѣла, кололи дрова, убирали комнаты и прочее. Самое тяжелое — была колка дровъ. И твоя мать передъ самымъ отѣзdomъ отрубила себѣ топоромъ кусокъ большого пальца съ костью. Затѣмъ отецъ, мать и я разѣгались на службу, а Мариша, сплавивъ тебя бабкѣ, спѣшила въ очереди за продуктами. Часовъ съ 10—11 къ бабкѣ приходили ученики и время до обѣда ты проводилъ у нея въ классѣ, играя съ учениками, дожидающимися очереди, а иногда часами просиживая за роялемъ на колѣняхъ у бабки и терпѣливо выслушивая вокализы.

Обѣдали мы въ четыре часа, причемъ для сокращенія расходовъ вели общес хозяйство. Съ продуктами становилось все хуже и хуже. Цѣны росли ежечасно. Хлѣбъ дошелъ до 250 руб. за фунтъ, мерзлый картофель до 65, масло до 2000, сахаръ 1200. Одно твое молоко стоило намъ 1000 р. въ день. По карточкамъ выдавали только одинъ хлѣбъ, да и тотъ нерегулярно. Въ среднемъ на человѣка доставалось 25 граммъ въ день. Всѣ усилия приходилось направлять на то, чтобы прилично питать тебя, а самимъ довольствоваться главнымъ образомъ мерзлой картошкой. Но самое ужасное — это была каша изъ вареной ржи, которую зачастую приходилось есть безъ масла. Прожевывать ее стоило такихъ усилий, что послѣ обѣда болѣло за ушами. А проглотить было еще труднѣе: толкаешь ее бывало въ пищеводъ, а она лѣзть обратно въ глотку. Но, въ концѣ концовъ, мы все таки приспособились и каждый глотокъ такой каши запивали чаемъ, или просто горячей водой. Тогда она проходила гораздо легче. Но даже и при такомъ питаніи мѣсячнаго заработка четырехъ человѣкъ, изъ которыхъ каждый имѣлъ нѣсколько мѣстъ (у меня было 4) хватало едва на недѣлю съ небольшимъ. Исхудали мы всѣ страшно, особенно твоя мать, отъ которой осталась одна тѣнь и платья висѣли на насъ, какъ на вѣшалкахъ. Одинъ ты росъ на радость намъ крѣпкимъ бутузомъ и никто не хотѣлъ вѣрить, что тебѣ только $1\frac{1}{2}$ года.

Обѣдъ кончался быстро. Отецъ сейчасъ же уѣгалъ на вечернія занятия, мать шла отдыхать (она бѣгала по госпиталямъ изъ постѣдныхъ силъ и мнѣ было совершенно ясно, что въ случаѣ зараженія сыплякомъ она не вынесетъ), бабка шла себѣ продолжать уроки, а мы оставались

вдвоемъ въ моемъ большомъ заставленномъ книжными полками кабинетѣ, служившемъ одновременно и столовой и моей спальней, и начинали сумерничать. Я ложился на диванъ, а ты ползалъ по мнѣ, сосредоточенно и методически, обыскивая мои карманы, куда я имѣлъ обыкновеніе прятать для тебя крошечные кусочки сахара.

— Хахаръ, лаконически коистатировалъ ты свою находку и отправлялъ найденное за щеку.

Сумерки постепенно сгущались. Черные переплеты уходили куда-то въ темноту, а вокализы звучали въ соседней комнатѣ все грустнѣе и унылѣе. Не вынося темноты, ты начиналъ пугаться, а я старался развлечь тебя сказками. Но вотъ внезапно всыхивала на потолкѣ двухсотсвѣчая полуватная лампа, отражаясь искрами отъ золота переплетовъ. Ты вскакивалъ, хлопая въ ладоши.

— Огоникъ! Огоникъ, привѣтствовалъ ты появленіе тока. И затѣмъ радостно протягивалъ миѳ ручонки.

— Дѣдъ писать, требовалъ ты.

Мы садились за письменный столъ, ты хваталъ ручку, раза три—четыре поворачивалъ ее въ чернильницѣ такъ, что перо скрипѣло, насаживалъ крупную кляксу и размазывалъ ее. Затѣмъ слѣдовала игра телефономъ и пишущей машиной. Наскучивъ ты лѣзъ на руки и просилъ:

— Дѣдъ! Лъ.

Лъ на твоемъ языкѣ обозначало все, что шумитъ и движется — отъ автомобиля до электрической центрофуги включительно. Мы шли въ лабораторію, я пускалъ центрофугу и ты весь замиралъ отъ восторга. Я смотрѣлъ на твою крохотную фигурку, стоящую посреди большого стола, заставленного реактивными стаклянками и болѣль душой за твое уродливое дѣтство, протекающее между роялемъ и центрофугой, безъ игрушекъ, безъ сверстниковъ, безъ правильнаго питанія.

— Бѣжать, во что бы то ни стало, бѣжать, думалъ я. Куда бы то ни было бѣжать, но спасти ребенка.

Скоро приходила Мариша и уносila тебя спать. Ученики бабки расходились, и мы начинали топить печку. Это было большое событие дня. Отогревшись у огня, я надѣвалъ шубу и шелъ въ нетопленную лабораторію дѣлать анализы, если таковые бывали (что случалось послѣднее время рѣдко) или садился за письменный столъ. Это было время, когда я привыкъ читать свои журналы. Но теперь ихъ не было. Я бралъ съ полки какуюнибудь книгу, чаще всего комедіи Аристофала и погружался въ чтеніе. Очень любилъ я перечитывать также жизнеописаніе Сократа и небольшую книжку Lasslaux выучить почти наизусть. Бабка ложилась рано, я же привыкъ засиживаться, и ждалъ обычнаго сигнала: во второмъ часу со стороны Арбатской площади раздавался винтовочный выстрѣлъ и спустя минуту по нашему переулку вихремъ проносился чудесный автомобиль. Что это значило, я не зналъ. Но это повторялось изъ ночи въ ночь и служило мнѣ сигналомъ ложиться спать. Не снимая лыжной фуфайки, я залѣзалъ подъ теплое одѣяло и начиналъ стараться заснуть. Если электричество свое временно гасло — сонъ приходилъ быстро. Если же оно продолжало горѣть — это значило, что въ нашемъ кварталѣ будетъ обыскъ и тогда ночь текла тревожно. При каждомъ шумѣ автомобиля мы вскакивали и выглядывали въ окна. Иногда автомобиль пробѣгалъ мимо, иногда останавливался по

близости, изъ него выходили люди съ винтовками и скрывались въ подъѣздѣ.

Ты, можетъ быть, удивишься, малютка, почему мы такъ боялись обысковъ, разъ мы были виѣ политики. Но, вѣдь мы, интеллигенты, были виноваты всегда и во всякую минуту, стоило только захотѣть обнаружить нашу вину. У меня было цѣлыхъ 4 сажени дровъ, полпуда муки, три четверти фунта масла, 2 фунта сахара и три пиджака. Развѣ этого мало? Вѣдь было же напечатано въ «совѣтскихъ извѣстіяхъ» разъясненіе по поводу одного разстрѣла: «обыскъ показалъ квартирную обстановку типичнаго спекулянта, такъ напр. были обнаружены крахмальные воротнички и цѣлый ассортимент галстуковъ (6 штукъ)». Къ тому же жизнь наша была регулирована декретами до такихъ мелочей, что при желаніи несоблюденіе декрета найти всегда было не трудно.

До какой детализаціи доходило правительство, регулируя нашу жизнь, ты поймешь изъ слѣдующаго случая. Однажды я шелъ глубоко задумавшись по Кисловкѣ и былъ пробужденъ крикомъ, раздавшимся спереди и, какъ будто, исходящимъ изъ самой земли:

— Подъ воги нужно смотрѣть, а не въ небо.

Въ ту же минуту я обо что то споткнулся и потерялъ равновѣсіе, а тотъ же голосъ прокричалъ по моему адресу непечатное ругательство, по уже сзади и тоже снизу. Отбросивъ запутавшееся между ногъ полѣно, я оглянулся и увидѣлъ, сидящаго на корточкахъ интеллигента съ его неизмѣннымъ каракулевымъ воротникомъ. Въ правой руцѣ онъ держалъ топоръ, а лѣвой тянулъ къ полѣну, которое я очевидно выбилъ у него изъ рукъ.

— Что это вы такъ неудобно устроились? спросилъ я его.

— Да вѣдь это же по декрету! взвизгнуль онъ высокой фистулой, исполненной отчаянія.

Туть только я вспомнилъ, что на дняхъ дѣйствительно вышелъ декретъ, строго запрещающій колоть дрова въ кухняхъ и на лѣстницахъ и категорически требующій, чтобы это дѣлалось на тротуарахъ. Передо мной спѣль на корточкахъ несомнѣнно новый русскій типъ — «запуганный интеллигентъ», происходящій, видимо, по прямой линіи отъ «кающагося интеллигента». Фигура его была настолько комична, а въ голосѣ чувствовалось столько тоски и столько искренней готовности выполнить декретъ, что я невольно расхохотался.

— Да, вамъ смѣшно, ворчалъ запуганный интеллигентъ, а мнѣ.... Куда прешь, образина! заревѣль отъ вдругъ яростнымъ басомъ старушкѣ, наткнувшейся на только-что паставленное полѣно. Старушка отъ неожиданности открыгнула въ бокъ и, всплеснувъ руками, затараторила.

— Батюшки! Съ ума сошелъ. На тротуарѣ дрова колеть. Никому проходу не даетъ.

Запуганный интеллигентъ поднялся, сердито плюнулъ и, забравъ полѣно и топоръ, рѣшительнымъ шагомъ направился къ себѣ на верхъ, съ явнымъ намѣреніемъ оказать неподчиненіе декрету.

Мудрено ли проштрафиться при такой регламентировкѣ всѣхъ мелочей жизни, послѣ которой любой каторжный режимъ и аракчеевскія поселенія покажутся верхомъ безсистемности и беспорядочности. А потому я ничуть не удивился, когда однажды Мариша, разбудивъ меня часовъ въ семь

объявила, что «Якова Васильевича забрали», хотя и зналъ, что онъ въ политическомъ отпошении такъ же невиненъ, какъ и ты, мой младецъ. Немного страшнымъ мнѣ казалось лишь то обстоятельство, что въ эту почь электричество потухло своевременно. Очевидно примѣты не всегда сбываются, подумалъ я.

Яковъ Васильевичъ былъ врачъ, жившій въ одномъ подъѣздѣ съ нами. За пѣсколько дней передъ тѣмъ жена его перенесла тяжелую операцию и лежала въ постели. Нужно было видѣть, какъ справлялся со свалившимся на семью несчастіемъ его пятнадцатилѣтній сынишка Боря, общий пріятель всего дома. Онъ и по очередямъ бѣгалъ, и обѣдъ варилъ, и за матерью ходилъ, и отцу въ чрезвычайку ёду восилъ (заключеннымъ казенного довольствія не полагалось). Одного только не успѣвалъ онъ дѣлать —ходить въ гимназію, которую онъ бросилъ уже больше года изъ за хлопотъ по хозяйству. Якова Васильевича выпустили черезъ три недѣли. Такъ онъ и не добился, за что его арестовали. Да, правду сказать, особенно и не добивался — радъ былъ, что выпускаютъ. Появился онъ домой такъ же неожиданно, какъ и исчезъ, но растолстѣвшимъ и свѣжимъ: оказались трехнедѣльный отдыхъ отъ пѣшеходныхъ визитовъ и Борины хлопоты, который любилъ отца до безумія и таскалъ ему самые сладкіе куски.

А сколько было такихъ вывихнутыхъ, какъ Боря. Дѣти большинства интеллигентовъ бросили гимназіи и занимались хозяйственными дѣлами или служили въ совѣтскихъ учрежденіяхъ. Это въ лучшемъ случаѣ.. А сколько ихъ оказалось вовлечеными въ омуть спекуляціи. У одного моего товарища врача разстрѣляли сына, пятнадцатилѣтняго гимназиста, за спекуляцію.

* * *

Родной мой мальчикъ! Сейчасъ я прочитаѣ написанное. Пока я читалъ, ты сидѣлъ рядомъ съ моимъ письменнымъ столомъ, за своимъ дѣтскимъ столикомъ и тоже дѣлалъ видъ, что читаешь. Когда я дома, ты все дѣлаешь, «какъ дѣдъ». Тебѣ даже пришлось дать мои старые очки безъ стеколъ, которые ты важно надѣваешь, садясь за свой столикъ. Я взглянула на твою комичную рожицу въ этихъ очкахъ и подумалъ.

— Выростѣть Лодка, и дѣдъ перестанетъ быть его идеаломъ. Онъ начнетъ даже критиковатъ дѣда и, прочтя то, что я написалъ, скажетъ: сгустилъ дѣдъ краски. Разсердился, что жизнь выбила его изъ колеи на старости лѣтъ и брюзжитъ. Взглянула съ эгоистической точки зрѣнія на міровое явленіе и показываетъ мнѣ только одну сторону медали — оборотную. А лицевой не замѣтилъ.

Такъ вотъ, милый мой мальчикъ, смѣю тебя увѣрить, что сгущенія красокъ пѣтъ. Изъ всего, что рассказалъ я тебѣ, только два факта приведены со словъ третьяго лица — разстрѣлъ у Серебряного бора и арестъ Балтрушайтиса — все остальное я самъ видѣлъ. Конечно, современники не суды описываемыхъ ими событий. Окончательную оцѣнку переживающей нами эпохи дамъ не я и даже не твои сверстники — это дѣло будущихъ историковъ. Я же лишь хочу дать тебѣ правдивую картину того, что мы переживали. Хотя кое что изъ пережитаго можетъ быть подвергнуто и моей оцѣвѣ, несмотря на то, что я не историкъ и не экономистъ: самъ вѣдь Ленинъ часто заявлялъ, что то, что дѣлаютъ большевики, представляеть

собой лишь социалистический экспериментъ. А научный экспериментъ это моя область, малютка, и въ ней я проработалъ всю жизнь. Конечно, дѣдъ твой далеко не Мечниковъ и не Павловъ, но методикой эксперимента онъ владѣеть настолько, что такому неопытному экспериментатору, какъ Ленину, приступающему къ первому опыту въ своей жизни, было бы чѣму у него поучиться. Вѣдь общія основы методики научного эксперимента остаются неизмѣнными и для физика, и для химика, и для биолога, и для патолога, и для соціолога. Мѣняются объекты, инструменты, техника, но такія основы, какъ выработка правильнаго общаго плана, оцѣнка возможности произвести опытъ въ данныхъ условіяхъ и обстановкѣ, соблюденіе предосторожностей (Kautelen, какъ говорятъ иѣмцы) установлениe необходимыхъ контролей поправки въ предѣлахъ точности метода и проч. и проч., то-есть все то, что отличаетъ научный экспериментъ отъ стряпни невѣжественной кухарки — все это остается неизмѣннымъ для специалистовъ всѣхъ областей. Я не взялся бы судить о такихъ сложныхъ историческихъ явленіяхъ, какъ дифференцировка классовъ, протекающихъ въ условіяхъ исторического развитія. Но тѣ же явленія въ условіяхъ эксперимента, гдѣ процессъ, требующій многихъ десятковъ лѣтъ, завершался у меня на глазахъ въ теченіе немногихъ дней, были для меня гораздо яснѣ.

И такъ о дифференцировкѣ классовъ. Когда совершилась большевистская революція и была объявлена диктатура пролетаріата, я сталъ задумываться надъ тѣмъ, гдѣ же теперь мое мѣсто. Денегъ и недвижимости у меня не было. Правда, у меня была педурная библиотека, и небольшая, но хорошо оборудованная лабораторія, а у бабки въ классѣ стоять хороший Ренишъ. Но вѣдь это все по соціологической терминологии было не имущество, а «орудія производства». Имущество же состояло изъ небольшого запаса платья и бѣлья, не возобновлявшагося съ первыхъ годовъ войны, кухоннаго скарба и небольшого количества мебели, среди которой настоящей мебелью можно было назвать только пять креселъ (три у меня въ кабинетѣ и два у бабки), да прелестный, сдѣланный по моему рисунку шахматный столикъ (два письменныхъ стола въ кабинетѣ, очевидно, тоже были «орудіями производства»). Къ тому же все это имущество и всѣ «орудія производства» были приобрѣтены мною личнымъ трудомъ и я за всю свою жизнь ни разу не испыталъ, что такое эксплуатациѣ труда себѣ подобнаго и «добавочная цѣнность».

— Неужели, думалъ я, противъ шахматнаго столика и пары кресель, хотя бы и на англійскихъ пружинахъ, можетъ быть пущено въ ходъ такое громоздкое средство, какъ диктатура. Нѣть, я несомнѣнныи пролетарій и мѣсто среди диктаторовъ.

Такъ думалъ я въ простотѣ душевной, тогда еще совершенѣйшій политической младенецъ. Увы, я не только не получилъ мѣста среди диктаторовъ, но былъ сдѣланъ объектомъ диктатуры. И произошло это вотъ почему.

Русская буржуазія проявила поразительно малую сопротивляемость и вмѣсто борьбы предпочла разбѣжаться за предѣлы Совдепія. Осталась лишь мелкая рыбка, которая и была быстро до чиста обобрана. Въ результатѣ буржуазіи не оказалось. Но разъ не было объекта для диктатуры, то послѣдняя сама собой падала. И вотъ объектъ былъ найденъ въ лицѣ интеллигенціи, которую стали называть буржуазіей. И, конечно, совершенно

неосновательно. Ибо, повторяю, буржуазія очень скоро постѣ переворота (въ Москвѣ, по крайней мѣрѣ) окончательно исчезла и остались лишь двѣ большихъ группы пролетаріата, изъ коихъ одна сморкалась въ руку, а другая употребляла носовые платки. Или, если тебѣ больше нравится антропологическое сравненіе—чернокожіе и бѣлые пролетаріи. У бѣлыхъ гражданская права неимѣли отияли, а чернокожихъ надули самымъ примитивнымъ образомъ, какъ можно надуть только чернокожихъ. Сказавъ, что въ ихъ руки передается вся полнота власти, имъ предоставлено осуществлять свою диктатуру черезъ четырехъ- и пятиступенчатую систему выборовъ, даже не обеспечивъ тайной подачи голосовъ. Мы всеѣ когда то жестоко критиковали избирательный законъ 3 июня. А вѣдь какой это былъ образцовый государственный актъ по сравненію съ явно мошеннической избирательной системой совѣтской конституціи. Въ результатѣ и бѣлые и красные одинаково оказались крѣпостными въ рукахъ олигархической шайки, уевоившей себѣ способы управления XIII и XIV вѣка.

Такъ длилось недолго, ибо деревенскій пролетаріатъ, раздѣлившій по мѣщицу землю, быстро превратился въ буржуазію, которая начала эксплуатацию бѣлаго пролетаріата со свирѣпостью, до которой ни одна буржуазія въ мірѣ не доходила. Повысивъ производство пищевыхъ продуктовъ до минимума и взвинтивъ до гомерическихъ предѣловъ ихъ стоимость, деревенская буржуазія снимала съ бѣлага пролетарія, выражаясь отнюдь не фигурально, послѣднюю рубашку. Значительная часть городского чернокожаго пролетаріата быстро ориентировалась въ положеніи и, выступивъ въ роли посредника, тоже начала довольно быстро превращаться въ буржуазію. До какой беззастѣнчивости доходила эксплуатация бѣлыхъ вновь народившейся чернокожей буржуазіей, ты поймешь хотя бы изъ того, что отправка въ деревню дорогого піавино въ обмѣнъ на пудъ — два муки было отнюдь не рѣдкостью. Такъ произошло у насъ на глазахъ новое разслоеніе классовъ, въ условіяхъ «соціологического опыта».

О томъ, что я буржуй, а не пролетарій, я впервые узналъ на трамваѣ, вскорѣ послѣ большевистскаго переворота. На лекціи я раньшеѣ ъздилъ всегда на извозчикъ, какъ на вокзалѣ, съ чемоданами и ящиками, набитыми препаратами, съ папками и пр. Когда, послѣ большевистскаго переворота, стоимость одного ковца на извозчикѣ достигла приблизительно трети моего мѣсячнаго жалованія, демонстраціи пришлось сократить, чтобы можно было ъздить въ трамваѣ. Я захватывалъ съ собой пару стѣнныхъ таблицъ, три, четыре бавки съ препаратами и десятокъ, другой діапозитивовъ. Но и эта, больше чѣмъ скромная, демонстрація составляла нѣсколько весьма солидныхъ пакетовъ. Когда я однажды, павьюченный ими, влѣзъ на переднюю площадку трамвая, вожатый привѣтствовалъ меня озлобленнымъ окрикомъ.

— Ишь буржуй пагрузился! Недощупались еще до тебя!

Я тогда былъ еще политически совершенно невоспитанъ и въ простотѣ душевной думалъ, что чернокожему, помимо ремесленной плетки, гуляющей по его спинѣ, можетъ быть доступна ишая аргументація. И я попробовалъ объяснить ему, куда я ъду и что везу съ собой.

— Ъздить на лекціи на передней площадкѣ всякий дуракъ сумѣеть, отвѣтилъ онъ мнѣ. А ты вотъ на ручкѣ постой! Это работа перввая.

Когда я рассказалъ объ этомъ случаѣ своему другу Р., правовѣрному большевику, вступившему въ ихъ ряды тотчасъ послѣ раскола партии, онъ миѣ сказалъ.

— Конечно, не къ чему было съ нимъ разговаривать. Я на твоемъ мѣстѣ просто отстранилъ бы его и повелъ вагонъ самъ. Увидя, что тебя вагонъ слушается не хуже, чѣмъ его, онъ сразу понялъ бы, что «ручка» ужъ не такое мудреное дѣло.

— А я попасть бы въ комиссариатъ.

— Не думаю. Онъ бы такъ обалдѣлъ, что и крикнуть не догадался.

Исполнить совѣта Р. я не могъ уже потому, что вскорѣ насъ прогнали съ передней площадки, доступъ на которую былъ признанъ исключительной привилегіей чернокожихъ. И я сталъѣздить на лекціи, повиснувъ на подпружкахъ или стоя на буферѣ. О какихъ бы то ни было демонстраціяхъ при такихъ условіяхъ думать, конечно, не приходилось и я сталъ читать изъ «чистаго разума» (такъ выражался нашъ служитель Маркъ о лекціяхъ безъ демонстрацій).

Такъ, результаты эксперимента дали совѣтскимъ соціологамъ совершенно неожиданные результаты. Что реакція идетъ иной разъ въ опытѣ какъ разъ совершенно въ обратную сторону, чѣмъ ожидалъ экспериментаторъ — это тебѣ засвидѣтельствуетъ всякий химикъ. Но въ данномъ случаѣ было не то. Опытъ былъ поставленъ съ такимъ невѣжествомъ въ области методики, что никакой реакціи вообще не получилось. Вместо пея была простая смѣна элементовъ. Если ты хочешь произвести какую либо реакцію въ безвоздушномъ пространствѣ, ты долженъ выкачать изъ подъ колпака воздухъ, а потомъ закрыть кранъ. Если ты этого не сдѣлаешь, подъ колпакъ войдеть новый воздухъ и реакція пойдетъ въ прежнихъ условіяхъ. Новымъ въ опытѣ получится только простая смѣна элементовъ подъ колпакомъ. Вотъ крана то Ленинъ и не сумѣлъ закрыть. Опь захотѣлъ посмотретьъ, какъ пойдетъ жизнь страны безъ частной торговли. Это — тотъ же опытъ выкачиванія, который онъ произвелъ весьма примитивно по методу Стеньки Разина съ ватагой. (Этому отцу примѣненной имъ методики соціологического изслѣдованія опь даже поставилъ на Красной площади памятникъ, но потомъ убралъ. Ужъ что то очень неподходящее вылѣпилъ ему Коневковъ). Ограбить купцовъ «во всероссійскимъ масштабѣ» и провести такимъ образомъ первую часть опыта — самое выкачиваніе — было, конечно, не трудно. А вотъ закрыть кранъ — это была задача посложнѣе и съ нею чернокожие соціологи не справились. Родился новый Мюръ и Мериллизъ — Сухаревка. Тѣстовыхъ замѣнили бабы съ кашей, магазины — торговля въ разносъ. Въ кориѣ же все осталось, какъ прежде. Только товаръ сталъ дороже и хуже, да «добавочная стоимость» попала въ новый карманъ. Получилась не реакція, а простая перегруппировка элементовъ, и не научный соціологический экспериментъ, а самый обыкновенный грабежъ, отличавшійся отъ грабежа Стеньки только размахомъ масштаба. Пожалуй, была и еще одна разница. Плоды голжскихъ соціалистическихъ экспериментовъ поживаль Стенька съ ватагой, а тутъ попользовалась одна ватага. Я разумѣю толпу чернокожихъ комиссаровъ, присосавшихся къ незадачливому экспериментатору.

Съ деревней произошло тоже самое. Выкачать помѣщиковъ было, конечно, нетрудно. А вотъ закрыть кранъ помѣшалъ мой пріятель Григорій 120 миллионовъ такихъ же, какъ онъ. Григорій бытъ коммунистомъ только

до тѣхъ поръ, пока къ той землѣ, которую онъ заработалъ, сидя въ шахтѣ ему не удалось прирѣзать помѣщичьей. А прирѣзавъ, онъ сразу сталъ беспартийнымъ и, ухватившись за кранъ, твердо и рѣшительно сказалъ:

— Земля моя!

Съ фабриками дѣло обстояло иначе. Но отпюдь не потому, что здѣсь опытъ удался, а потому, что фабричное хозяйство — организмъ болѣе сложный и труднѣе возстановляемый, чѣмъ сельское или торговое. На фабрикахъ даже простой перегруппировкѣ элементовъ не произошло. Просто осталась пустыня.

Вотъ тебѣ мнѣніе стараго экспериментатора о соціологическомъ опыте, свидѣтелемъ котораго онъ былъ. Это былъ не научный экспериментъ и даже не стряпня невѣжественной кухарки, а иѣчто худшее. Чернокожіе экспериментаторы, добравшись до инструментовъ необычайной силы, пустили ихъ въ ходъ, не умѣя съ ними обращаться, и взорвали лабораторію.

Конечно, въ мірѣ ничто не проходитъ безслѣдно. И этотъ гигантскій взрывъ будетъ тоже имѣть свои послѣдствія. Какія? Вопросъ заходить за предѣлы эксперимента и переходить въ область исторической эволюціи, а потому судить объ этомъ я не берусь. Для этого нужно быть соціологомъ и экономистомъ. Я же повторяю, хочу дать тебѣ картину того, что мы переживали и это отступленіе вышло у меня случайно. Думаю только, что возстановленіе жизни пойдетъ по своимъ собственнымъ законамъ и вѣвъ воли обанкротившихъ чернокожихъ экспериментаторовъ.

Въ нашемъ кругу въ то время были очень въ ходу споры о томъ, что представляетъ собой Ленинъ, честный ли онъ человѣкъ и т. д. Я полагаю, что Ленинъ былъ честенъ постольку, поскольку можно назвать честнымъ разбойничьяго атамана, грабящаго не въ свою пользу, а только въ пользу своей ватаги. Но этотъ вопросъ для меня второстепененъ. Гораздо интереснѣе для меня вопросъ о томъ, имѣлъ ли право Ленинъ приступить къ своему эксперименту. Мне никогда не приходилось экспериментировать на людяхъ и къ этому я чувствовалъ всегда инстинктивное отвращеніе, хотя и не могу совершенно отрицательно отнести къ такого рода экспериментамъ. Не задолго до войны, напримѣръ, на каторжникахъ были поставлены, въ Западной Европѣ, въ широкомъ масштабѣ очень важные опыты иммунизациіи живыми чумными бактеріями. Но эти эксперименты производили люди очень опытные и притомъ, предварительно выяснивъ ихъ возможность громадной подготовительной работой на животныхъ. Ленинъ, приступая къ своему опыту, объектомъ коего долженъ былъ явиться не кроликъ и не человѣкъ, а цѣлый пародъ, даже не потрудился толкомъ дать себѣ отчетъ въ возможности произвести опытъ, а начавъ его производство, онъ проявилъ такую бездну невѣжества, при наличности которой даже опытъ на лягушкахъ становится безнравственнымъ дѣломъ.

* * *

— Но, скажешь ты, если дѣду жилось плохо, то можетъ быть, стало лучше его служителю.

Пзволь, малютка! мой служитель раньше получалъ 20 руб. въ мѣсяцъ и могъ купить на эти деньги 10 пудовъ чудесной бѣлой муки. Когда я уѣзжалъ, онъ стать получать 2500 руб. и этого ему хватало на

10 фунтовъ песячного хлѣба (по карточкамъ онъ получалъ около 25 гр. въ день и пѣсколько кусковъ сахара въ мѣсяцъ).

— Но неужели же жизнь, сплошь состояла изъ однихъ мрачныхъ фактовъ? Были же и положительныя стороны, были и свѣтлыя, радостныя явленія, были же и среди большевиковъ честные люди! воскликнешь ты.

Поищемъ. Положительныя стороны Что могу я отмѣтить, какъ врачъ теоретикъ? Академическая жизнь замерла, научная работа стала, печатный станокъ работалъ только въ экспедиціи заготовлениія денежныхъ запасовъ. Правда, открылось широкое поле для изученія эпидемическихъ заболеваній, достигшихъ небывалыхъ размѣровъ. Но по приведеннымъ выше условіямъ работы использовать можно было лишь позиціонную часть материала. Тоже можно сказать объ изслѣдований патологіи голода, которое при иныхъ условіяхъ работы можно было бы поставить очень широко, ибо падающихъ отъ голода людей подбирали на улицѣ очень часто. Подобрали въ такомъ же состояніи и бывшаго редактора одной провинціальной газеты, у которого я проработалъ 10 лѣтъ и съ которымъ былъ друженъ. Онъ былъ изъ известной всей Россіи семьи миллионеровъ. Широкое поле открылось и для гистологовъ, для которыхъ очень важно имѣть органы совершенно здоровыхъ людей тотчасъ послѣ смерти. Въ прежнее время сдѣлать это было очень трудно, теперь же материала было сколько хочешь. Но я не слышалъ, чтобы кто нибудь изъ моихъ коллегъ коллекціонировалъ на трупахъ казненныхъ — отвращеніе къ террору преодолѣвало ихъ научные интересы.

Боть и все положительное, что я могу отмѣтить, какъ специалистъ — если только это можно назвать положительнымъ. Какъ не специалистъ — тоже не могу сказать ничего хорошаго. Если бы оно было, конечно, о немъ упоминали бы рѣчи пародныхъ комиссаровъ на съѣздахъ совѣтовъ, гдѣ показывался товаръ лицомъ. Припомнай теперь всѣ эти рѣчи, которые я читалъ всегда очень внимательно, я могу сказать, что всѣ онѣ, признавая безнадежность переживаемаго момента, призывали къ терпѣнію во имя грядущаго свѣтлого будущаго. Оправдаются ли эти пророчества — на этотъ вопросъ ты со временемъ дашь лучшій отвѣтъ, чѣмъ могу сдѣлать я. Я уже сказалъ тебѣ, что я не соціологъ и пророчествовать о томъ, что произойдетъ на мѣстѣ гигантскаго взрыва, которымъ закончился «соціологический опытъ», я не берусь.

Да, милый мой мальчикъ, вспомнилъ одно свѣтлое явленіе. Большевики сняли памятникъ Скобелеву — этотъ безобразнѣйший и безграмотнѣйший памятникъ, который я когда либо видѣлъ, и отъ которого Москва въ свое время откращивалась всѣми силами. И на его мѣстѣ поставили обелискъ съ превосходной статуей Андреева.

— Статуей свободы, какъ они говорили. — Статуей мира, какъ мнѣ сказали лично Андреевъ.

Кромѣ того они разрушили каланчу на Тверской части, отъ чего сильно выиграло это прекрасное зданіе. Но они же разрушили юго-восточную башню Кремля и фасадъ Чудова монастыря, которыхъ не восстановили. А часы на Спасской башнѣ они не совсѣмъ удачно попытались заставить играть «интернаціональ» вместо «коль славенъ» (ни одинъ музыкантъ не разберетъ, что они теперь играютъ). И отъ всего этого Кремль ужъ никакъ не выигралъ. Они же пробовали сдѣлать изъ лучшаго русскаго

оспортивного института въ Воспитательномъ домѣ центральную молочную кухню. Институтъ сломать сумѣлъ, а кухни у нихъ не вышло. Такъ зданіе, когда я уѣзжалъ, второй годъ и стояло въ состояніи полнаго разгрома.

Заговоривъ обѣ обелискѣ, я не могу не сказать тебѣ иѣсколько словъ о тѣхъ памятникахъ, которые большевики понаставили въ огромномъ количествѣ на всѣхъ площадяхъ, скверахъ и улицахъ Москвы. Среди нихъ я могу отмѣтить чудесный памятникъ Далтону, работы Адреева (отрубленная, безобразная голова Далтона, изрытая оспой, съ перебитымъ носомъ, лежащая на кафедрѣ, съ которой онъ говорилъ свои рѣчи), и милую работу Волиухина, иззатѣйливую статую Шевченко. Все остальное было верхомъ безграмотности, по сравненію съ которой даже блаженной памяти Скобелевской памятникъ казался образцомъ художественности. Я долго стоялъ передъ памятникомъ Стеньки Разина работы Коненкова и все не могъ решить вопроса, въ серьеze работать Коненковъ или посмѣялся надъ чернокожими меценатами. Думаю, что посмѣялся. Къ счастью у большевиковъ не было ни бронзы, ни чугуна для постановки памятниковъ и они отливали свои «monumenta aere regaennia» изъ гипса, который естественно не могъ противостоять московскимъ дождямъ и снѣгамъ. И теперь огромное большинство ихъ разсыпалось. Разсыпалась они какъ то сразу. Однажды, я, пдя на службу, увидѣлъ кучу мусора на мѣстѣ, где еще вчера кукольная фигурка Каляева съ поднятой въ руکѣ бомбой высилась на какихъ то цепонятныхъ гипсовыхъ пѣтушиныхъ языкахъ, огромнаго размѣра... (Я думалъ, что эти языки не совсѣмъ удачное воспроизведеніе пламени, и полагалъ, что памятникъ символизируетъ гибель Каляева ради грядущихъ свѣтлыхъ лѣтъ жизни. Но мнѣ объяснили, что это совсѣмъ не пламя, а революціонная волна, вынесшая на своеѣ гребни Каляева.) Такъ разсыпалось большинство памятниковъ и среди нихъ, къ моему глубокому сожалѣнію, и Далтонъ. Однѣ только деревянныѣ, пестро размалеванный Стенька стойко выдерживалъ московскіе ливни и метели и продолжалъ выситься со ватагой на Красной площади, словно парикмахерская вывѣска. Его чернокожіе меценаты вскорѣ сами убрали, очевидно разобравши, въ чемъ дѣло. Такъ неудачно закончилась ихъ затѣя съ украшеніемъ Москвы.

Были ли среди большевиковъ хороши, честные люди? Конечно, были. И, вѣроятно, много. Я лично зналъ иѣсколькихъ. Ко мнѣ частенько заходилъ д-ръ В. изъ бывшихъ земскихъ врачей, чистокровный идеалистъ. Онъ жилъ въ Метрополѣ, по довольствовался пайкомъ и былъ всегда голоденъ. Однажды, бабка, доставъ крупчатки, подала намъ къ чаю бѣлыхъ булочекъ. Если бы ты видѣлъ, какъ у него загорѣлись глаза.

— Такихъ вещей въ Метрополѣ нѣть! — сказалъ онъ, и началъ оправлять въ ротъ булку за булкой. Даже о чаѣ забылъ.

Я смотрѣлъ на него, вспоминалъ утокъ д-ра Ю-а, которыя сами себя жарять и мнѣ хотѣлось сказать ему то, что сказалъ мнѣ сегодня ты, выдавивъ на мою руку письмо тюбикъ, забытаго мной на столѣ, спандекона. А сказалъ ты мнѣ слѣдующее:

— Дуракъ ты, дуракъ, дѣдъ.

Д-ръ В. былъ прекрасный шахматистъ. Когда онъ приходилъ, мы усаживались за мой чудесный шахматный столикъ (кто-то теперь на немъ

играетъ?) и онъ объявлялъ мнѣ мать за матомъ, рассказывая послѣднія новости изъ «сферъ».

— Пріѣхали представители треста, сообщилъ онъ однажды, и па дніяхъ мы подписываемъ концессію па постройку желѣзной дороги отъ Мурмана до Владивостока и цѣлаго ряда заводовъ вдоль нея. На Мурманскомъ побережье будетъ деревообдѣлочный заводъ, способный по своей мощности обслуживать всю Россію, консервный заводъ для приготовленія солопины и кожевенный заводъ, который снабдить всю Россію подметками изъ пресованной оленьей кожи. Такая подошва почти неизносима и представляетъ собой тоненькую пластинку (онъ поднялъ ногу и на своемъ продыривленномъ сапогѣ показалъ толщину) — вотъ такую. Въ Архангельскѣ будуть заводы для приготовленія консервовъ изъ рыбы...

Послѣдовалъ длиннѣйший перечень полѣзпѣйшихъ заводовъ до самаго Владивостока. Позже я узналъ изъ газетъ, что представители дѣйствительно пріѣзжали и чуть-чуть было не получили авансовъ. Но они оказались не представителями, а обыкновенными жуликами.

Въ другой разъ, когда я разсказалъ ему наши канализационныя несчастія, онъ отвѣтилъ мнѣ.

— Да, Москва разрушается, мы это знаемъ. Но возстановлять ее не стоить. Гораздо дешевле вывести городъ за теперешнюю черту, построивъ новый городъ-садъ. Соответственный проектъ уже разрабатывается.

Милый русскій мечтатель, жаждущій обуть всю Россію въ подметки изъ прессованной кожи, а самъ щеголяющій почти босикомъ!

Во время Деникинскаго наступленія его послали наладить эвакуацію сыпвотифозныхъ. Ну и надѣлъ же онъ тамъ дѣлъ! Завѣдующій отдѣломъ эвакуаціи главнаго военно-санитарного управления, образованный историкъ и одинъ изъ умнѣйшихъ и дѣльнѣйшихъ чиновниковъ, какихъ я зналъ (а зналъ я ихъ не мало) волосы на себѣ рвалъ, разсказывая мнѣ о его подвигахъ.

Другой большевикъ, съ которымъ я былъ близокъ, былъ Гриша Т., молоденький студентъ, другъ дѣтства твоей матери. Онъ тоже голодалъ, ходилъ въ дырявыхъ сапогахъ, и женившись, никакъ не могъ купить кровати для своей жены. Мы съ нимъ вели безконечные споры объ индивидуализмѣ и колLECTIVИZMѣ. Однажды, прия къ намъ, онъ сообщилъ, что только что вернулся съ фронта, гдѣ командовалъ арміей.

— Милый Гриша, спросилъ я его, не думаете ли вы, что прежде чѣмъ стать командующимъ арміей нужно много и долго учиться?

— Это наука простая, отвѣтилъ онъ, и я постигъ ее очень быстро.

— Вы такъ думаете? А вотъ Сократъ думалъ иначе. Онъ говорилъ, что управление государствомъ самая трудная изъ всѣхъ наукъ и не представлялъ твердить это аѳинянамъ. За это аѳинскіе большевики и расправились съ нимъ.

— Старикъ ошибался, пошутилъ Гриша.

Но я закусилъ удила.

— А вы знаете, что сказалъ Сократъ о вашемъ историческомъ прототипѣ, кожевникѣ Клеонѣ, когда тотъ принялъ начальствование надъ войсками, оперирующими противъ Сфактеріи?

— Не знаю, скажите, кисло улыбнулся Гриша, очевидно не ожидая услышать изъ устъ Сократа ничего добра по своему адресу.

Я взялъ книжку Lasslaux и прочиталъ ему.

— Одному изъ учениковъ Сократа приписывается горькая шутка: онъ посовѣтовалъ произвести въ званіе лошадей всѣхъ аѳинскихъ ословъ, по-лагая, что это легче, чѣмъ изъ первого встрѣчнаго сдѣлать полководца.

Гриша обидѣлся и видимо охладѣлъ ко мнѣ.

Третьимъ былъ мой самый близкій другъ, проф. Р., талантливый анатомъ со свѣтлой головой и большимъ практическимъ смысломъ. Онъ былъ въ правительстве въ качествѣ члена высшей инспекціи*. И я долженъ сказать, что такой убийственной оцѣнки личности и дѣятельности Ленина, какую я слышалъ отъ него, едва ли тотъ удостаивался отъ самыхъ заклятыхъ своихъ враговъ. Когда мы уѣзжали, Р. умиралъ въ хирургической клинике отъ рака гортани. На меня пала тяжелая обязанность установить окончательный диагнозъ и продемонстрировать ему микроскопической препаратъ, явившійся для него смертнымъ приговоромъ. Для за три до отѣзда онъ прислалъ мнѣ письмо, прося зайти къ нему. Я зналъ, о чёмъ будетъ разговоръ. Давно, давно я оказалъ ему большую услугу. Тогда онъ уѣгаль отъ преслѣдований царскихъ жандармовъ и его жена уѣхала по паспорту твоей бабки. Теперь роли перемѣнились. Уѣгаль я, по онъ этого еще не зналъ и звалъ меня, чтобы попросить у меня второй услуги — поручить мнѣ своего сына. Что могъ я ему отвѣтить? И я уѣхалъ, не зайдя къ нему.

Вотъ тѣ дѣйствительно честные большевики, которыхъ я зналъ, малютка. Честные и единственны. Другихъ я не зналъ.

Я говорю, конечно, объ идеальныхъ руководителяхъ движения. Что же касается до исполнителей ихъ предначертаній и технического персонала по производству опыта — то-есть до комиссаровъ мелкаго калибра, то объ этой публикѣ можно говорить, конечно, только въ юмористическихъ товахъ. Когда я во время войны впервые вошелъ въ военный госпиталь, я былъ пораженъ косностью бюрократической машины военнаго вѣдомства.

— Не удивляйтесь, сказалъ мнѣ одинъ старый кадровый военный врачъ. До сихъ поръ вы имѣли дѣло только съ Щедринскими типами. У насъ живы еще Гоголевскіе.

Но тѣ, что мы увидѣли въ совѣтскихъ канцеляріяхъ, были уже не Гоголевскими и даже не фонъ-Визинскими типами. Это были просто чернокожіе, усѣвшіеся за письменные столы.

* * *

Первая мысль о необходимости бѣгства явилась мнѣ, когда мы однажды пускали съ тобой электрическую центрофугу. Чѣмъ дальше обдумывалъ я наше положеніе, тѣмъ сильнѣе крѣпла во мнѣ эта мысль. Мы жили — какъ всѣ интеллигенты въ то время — распродавая свое имущество. Его должно было хватить намъ еще на полгода, съ трудомъ на годъ. А тамъ предстоялъ голодъ не только для насъ — къ нему мы уже привыкли — а и для тебя. Не лучше ли продать все сразу, увезти съ собой вырученную сумму и попытаться устроиться при ея помощи за границей. Нравственаго удовлетворенія жизнь въ Москвѣ не давала, есть было

* Нѣчто въ родѣ прежняго государственного контроля. Это было единственное учрежденіе, где допускалось хотя бы подобіе критики дѣйствій правительства.

ничего — о чём же дальше думать. Домашние согласились со мною быстро. Решить уехать было одно, а выполнить решение другое. В то время все граждане Российской Социалистической Федеративной Советской Республики были обращены в крепостную зависимость и передвигаться из города в город было возможно только по казеннымъ, а отнюдь не личнымъ надобностямъ. Насколько строго соблюдалось это правило, ты можешь судить хотя бы по тому, что не за долго до нашего отъезда один изъ моихъ ассистентовъ хотелъ съездить въ провинцию проститься съ умирающей матерью. Дело дошло до управляющего делами совета народныхъ комиссаровъ и бѣдная старуха умерла, не дождавшись его разрешения. У меня созрѣлъ такой плавъ. Нужно было получить командировку на фронтъ, а затѣмъ перейти границу съ контрабандистами — обычный въ то время заграничный маршрут русскихъ интеллигентовъ. Командировку мнѣ добиться было не трудно: стоило только придумать экспедицію въ прифронтную полосу для борьбы съ сыпнымъ тифомъ. И я быстро получилъ мандатъ, подписанный народнымъ комиссаромъ, себѣ п двумъ ассистентамъ. Въ качествѣ одного должна былаѣхать, конечно, мать, а бабку я надѣялся провести фуксомъ, подъ видомъ другого. Затрудненіе встрѣтилось съ отцомъ. Конечно, я могъ вытребовать и трехъ ассистентовъ, но вести двухъ неспеціалистовъ было уже опаснѣе. Къ счастью отцу удалось устроиться въ другой соотвѣтственной партии въ качествѣ спеціалиста, онъ уѣхалъ раньше насъ и вся тяжесть и ликвидации и выѣзда легла на моя плечи. Мѣсяцъ, ушедший на распродажу имущества, я провелъ какъ въ туманѣ и изъ этого времени почти ничего не помню. Приходили какие то люди, представители новой буржуазіи, осматривали мебель, мѣряли мои костюмы — и все это смыкалось въ памяти въ какую то сѣрую кашу. Выпѣзываютъ лишь отдѣльные эпизоды. Ясно помню, какъ выносили въ мѣшкахъ мою библиотеку, которую я собиралъ 15 лѣтъ, экономя изъ своего скромнаго жалованья, и до сихъ поръ еще (прошло уже больше полугода) ощущаю острое чувство боли и незаслуженной обиды. Помню какого то чернокожаго, который надѣвъ задомъ напередъ мою плюшевую шляпу смотрѣлъ на себя въ зеркало и самодовольно говорилъ:

— Въ аккуратъ къ моему коричневому пальту.

Запечатлѣлась въ памяти одна спекулянта, которая всегда носила намъ продукты. Она торговала у бабки платье и, стараясь сбавить цѣну, хвалилась покупками.

— Танѣкѣ замужъ пора, такъ ей подвѣнечное платье купила.

И она развернула совсѣмъ прозрачное *combinaison* все изъ прошивокъ.

— Вотъ тутъ подпорю, она показала на панталоны — а тутъ стачаю. Хоршее платье и стоитъ недорого . . .

Возни съ распродажей имущества было не мало. Получать я совсѣмъ деньгами, которые приходилось мѣнять на крупныя купюры царскихъ обязательствъ, чтобы было меньше прятать. Дѣлало это для меня нѣсколько человѣкъ: одинъ бывшій директоръ банка, два бывшихъ присяжныхъ повѣренныхъ, одинъ биржевой маклеръ и одинъ антикварій. Подпольная биржа работала во всю. Собирались она на Ильинкѣ въ подворотняхъ и тамъ совершились сдѣлки и устанавливались цѣны. Торговали всѣмъ, какъ на настоящей биржѣ: чеками на заграничные банки, иностранными деньгами, процентными бумагами. Но всѣ расплаты на крупныя суммы шли по частнымъ

квартирамъ, ибо носить товаръ на Ильинку было опасно. Какъ-то въ обѣдъ ко мнѣ прибѣжалъ мой маклеръ въ совсѣмъ растрепанныхъ чувствахъ.

— Вы знаете откуда я къ вамъ? Прямо изъ чрезвычайки.

— Какимъ образомъ?

— Да подходитъ ко мнѣ сегодня на биржѣ коллега и говоритъ: «Берешь Петры*?» Сколько? «Два». — Почемъ? «По одиннадцати съ половиной» — Беру. «Пойдемъ въ подворотню». Только что онъ полѣзъ въ карманъ, а тутъ, какъ изъ подъ земли, выросли двое въ кожаныхъ тужуркахъ. Пристали револьверы. — Руки вверхъ! Обыскали, отняли Петровъ и повели. Только дорогой я сообразилъ, что имъ подаль сигналь мальчишка, который, пока мы торговались, терся около насъ. Ну идемъ. На Лубянской площади встрѣтили знакомаго. «Ich bin verhaftet», крикнулъ я ему. Думаю — пускай жешь скажетъ. А на Лубянкѣ насъ нагнали еще двое въ кожаныхъ тужуркахъ. «Что у васъ товарищи?» — Двухъ Петровъ поймали. «Ну что вы съ ерундой возитесь. Тамъ серьезное дѣло идетъ, пойдемъ скорѣе». И ушли всѣ четверо, унеся Петровъ. А я забѣжалъ за бумажкой и пришелъ къ вамъ. Только слегка попорченая.

И онъ развернулъ стотысячный вексель государственного казначейства. На оборотѣ была сдѣлава невѣроятными каракулями надпись на манеръ передаточной, въ которой я могъ разобрать только одно слово «уплатить». Подъ подписью стояла подпись тою же рукой, въ которой я съ трудомъ прочиталъ «финансовой комиссаръ», а около красовалась печать тульского совдепа. Бумагу, конечно, пришлось признать испорченной.

На другой день утромъ одинъ изъ присяжныхъ повѣренныхъ сообщилъ новость, что нашего маклера забрали. Я его успокоилъ, но мы такъ и не смогли рѣшить вопроса, кто арестовалъ маклера — дѣйствительные вечекисты или просто жулики.

Съ директоромъ банка у меня былъ особенный телефонный шифръ. Онъ бывало звонить.

— Я досталъ вамъ сто граммъ адреналина для вашей супруги.

— Въ какой укупоркѣ?

— Одинъ флаконъ къ 50 граммъ, а два по 25.

— Чистый препаратъ или съ коканиномъ?

— Одна маленькая баночка съ коканиномъ, а остальная чистая.

Это значило: куплено на 100 тысячъ обязательствъ. Одна купюра въ 50 тысячъ, двѣ по 25. Одна 25-ти тысячная, зарегистрированная советскимъ правительствомъ, другія нѣтъ.

Обычно я выдавалъ деньги на руки упомянутымъ выше лицамъ у себя на дому, а они черезъ иѣкоторое время приносили мнѣ бумаги. Выдавать приходилось иногда очень крупныя суммы до 300.000 советскихъ. Деньги эти, прежде чѣмъ превратиться въ бумагу, проходили черезъ рядъ рукъ. Все безъ расписокъ, на основаніи личаго довѣрія. И ни разу не пропало у меня ни одной копѣйки. Иногда бывало и такъ.

— Къ вамъ сегодня въ 5 часовъ, звонили мнѣ по телефону, придетъ мой добрый знакомый и припесеть вамъ изслѣдованіе. Вы будете въ это время дома?

* Царскія пятисотрублевки.

Это значило, что бумага съ изъяномъ и безъ меня ее купить не рѣшаются. А владѣлецъ боится выпустить ее изъ рукъ. Такихъ людей приходило порядочно. Одни приносили бумаги задѣланными въ переплеты книгъ, кто похрабрѣе снималъ сапогъ и вытаскивалъ бумагу изъ-подъ стельки. Одну бумагу привесли совершенно истлѣвшей. Владѣлица пропоспила ее большее года на груди, подъ рубашкой.

Дома дешьги и бумаги я пряталъ между двойными стѣнками термостата, въ которомъ стояли живые холерыя и дифтерийные культуры. Послѣднія гарантировали мгнѣ цѣлостность денегъ въ случаѣ обыска. Къ концу декабря все было ликвидировано и отъѣзжъ быть назначено.

* * *

Московскій Художественный театръ обычно устраивалъ у себя встрѣчу нового года. Не измѣнилъ онъ себѣ и на этотъ разъ. Уѣзжая навсегда изъ Россіи, памъ очень хотѣлось проститься со старой Москвой, где мы съ бабкой провели лучшія 15 лѣтъ жизни и которую отъ души любили; и мы пошли. Я снялъ свою лыжную фуфайку и надѣлъ визитку. Пріятно было войти въ хорошо знакомые ярко освѣщенные коридоры, полные прілично и чисто одѣтыми людьми (Ставиславскій и Немировичъ были даже во фракахъ). Но это радостное настроеніе быстро упало и смѣнилось тяжкимъ ощущеніемъ, которое обычно испытываешь на погребальныхъ обѣдахъ. Отъ веселья, бывшаго раньшѣ ключомъ на вечеринкахъ Художественного театра, не осталось и помина. Лучшая часть труппы еще лѣтомъ перебралась къ бѣльямъ. А оставшіеся были въ самомъ убийственномъ настроеніи. Къ тому же, вечеръ почтила своимъ присутствіемъ театральная комиссарша Малиновская. Въ бархатномъ платьѣ, съ лицомъ кухарки за повара и съ осанкой невѣнчанной королевы, она ни на шагъ не отступала отъ Ставиславскаго и Немировича, которые, какъ могли, играли роль любезныхъ хозяевъ. А вокругъ нихъ была пустота. Большинство артистовъ пробѣгали мимо нихъ бочкомъ съ очень любезными лицами, но съ явной опаской, какъ бы случайно не задержаться.

На другой день я пошелъ доставать разрѣшенія отъ чрезвычайной комиссіи на выѣздъ. Ибо мандата было мало для полученія билетовъ и чрезвычайка имѣла право налагать свои запреты на передвиженія. Приималъ прощенія полуграмотный солдатъ латышъ, вооруженный до зубовъ. Когда я къ нему подошелъ, онъ объяснялся съ какой-то дряхлой старушкой, со сморщенными отъ голода лицомъ величиной съ кулакъ. Старуха плакала горькими слезами и причитывала:

— Батюшка, до чего мы дожили. Мнѣ же ёсть здѣсь нечего, а тамъ у меня дочь. Выпусти Христа ради.

— Нельзя, упрямъ говорилъ латышъ. Лазлѣсается только по казеннымъ командировкамъ.

— Ради Христа! молила старушка.

Латышъ тупо смотрѣлъ на нее и вдругъ безмыслиемъ заоралъ:

— Уцерь тлудовыхъ силъ! Понимаешь! Тебѣ сто? обратился онъ ко мнѣ.

Я подалъ ему мандатъ и бумагу, подписанную народнымъ комиссаромъ съ просьбой о выдачѣ мнѣ разрѣшенія на поѣздку. Тотъ просмотрѣлъ документы и вернулъ все обратно.

— Удостовѣлія по мѣсту службы пужно.

Мое было у меня въ карманѣ. Но бабкинаго я представить не могъ, ибо тамъ было сказано, что она преподавательница иѣпія. Значитъ, вся моя комбинація рушилась. Я началъ доказывать, что мандатъ народнаго комиссара — тоже удостовѣреніе. Но латышъ озлился.

— Я сказалъ тебѣ, что по мѣсту службы, а не отъ народнаго комиссара.

Дѣлать было нечего. Я повернулся уходить и столкнулся съ какимъ-то запуганнымъ интеллигентомъ, который пришелъ сюда за тѣмъ же, зачѣмъ и я. На лицѣ у него былъ написанъ ужасъ и онъ отъ самой двери началъ отвѣшивать латышу почтительные поклоны. Вышелъ я въ отвратительномъ настроеніи, ибо затрудненіе съ вывозомъ бабки встрѣтилось очень серьезное. Но вдругъ меня осѣнило.

— Вѣдь у меня въ лабораторії есть свободное мѣсто препаратора.

Определить бабку на службу было не трудно и на другой день въ рукахъ у меня уже была пужная бумажка. «Р. С. Ф. С. Р. и т. д. Настоящими, удостовѣряется, что товарищъ Л. И. Д. — дѣйствительно состоинъ препараторомъ лабораторії и т. д.» А внизу «пицать», какъ говорили латыши. Такъ твоя бабка, чтобы выѣхать изъ Москвы, превратилась изъ пѣвицы въ нечто чуть-чуть высшее, чѣмъ лабораторная служительница. Я вручилъ латышу эту, больше чѣмъ комическую, бумажку и получилъ разрѣшеніе.

Разрѣшеніе вицка прошло гладко и осталось выхлопотать только мѣста въ штабномъ вагонѣ. Это былъ единственный плацкартный классный. Остальные были 3 класса, обычно биткомъ набитые и вшивые до послѣдней степени. Подъ флагомъ сыпного тифа это удалось безъ труда и всѣ формальности съ выѣздомъ на этомъ кончились.

Поѣздъ отходилъ въ 10 часовъ вечера. Для отѣзда я совершенно не помню. Утромъ у меня былъ д-ръ Л., которому я сдавалъ счета и авансы лабораторіи, а что мы дѣлали послѣ его ухода, я рѣшительно не помню. Кто-то приходилъ прощаться, кто-то плакалъ — а кто, не знаю. Когда стемнѣло я взялъ двухъ извозчиковъ и мы съ однимъ знакомымъ поѣхали на вокзалъ съ вещами. Часа два отняла у насъ процедура получения билетовъ и мѣсть въ штабномъ вагонѣ. Потомъ подѣхали на двухъ извозчикахъ мать съ бабкой, Мариса съ тобою и одна ученица бабки. Послѣ вашаго приѣзда у меня немножко просеѣтилось въ памяти. Отчетливо запечатлѣлся залъ первого класса, въ которомъ мы сидѣли, ожидая впуска въ вагоны, длиннѣйшая очередь пассажировъ у выходной двери, охраняемой вооруженными солдатами и сыщики презвычайки, шнырявшіе въ толпѣ. Ты былъ въ новой котиковской шапкѣ, въ новой шубѣ, доходившей до пять и въ валенкахъ, за которые мать заплатила 2000 руб. (за одни валенки). На миѣ были самодѣльные теплые сапоги выше колѣнъ, бабка была одѣта въ мое спортивное пальто, а мать въ бабкину шубу. Почему мы совершили этотъ маскарадъ и почему мать и бабка не поѣхали каждая въ своей шубѣ, я такъ до сихъ поръ и не понимаю. Просто потерялъ голову передъ отѣздомъ. Мать почему-то бросила въ Москву все свое бѣлье, и все твое и ея имущество уложилось въ маленькую ручную корзиночку. Остальной багажъ составляли большой хороший Globetrotter съ бѣльемъ и платьемъ моимъ и бабкинымъ, чемоданъ съ моими книгами и рукописями, портпледъ,

лабораторія, коробка съ индивидуальными пакетами и большой ящикъ съ гипсовой формой скульптурной карикатуры на меня, сдѣланной твоимъ дядькой Володей. Послѣднія три вещи требуютъ поясненій. Въ виду того, что мыѣхали лкобы для обслѣдованія прифронтовой полосы, необходимо было имѣть при себѣ походную лабораторію. Такую бутафорскую лабораторію я и захватилъ съ собой. Она представляла собою небольшую шкатулку съ двойнымъ дномъ, въ которое я спряталъ деньги, раздѣленную перегородками на рядъ мѣстъ для реактивовъ, склянокъ и аппаратовъ. Изъ аппаратовъ былъ только одинъ, да и тотъ не лабораторный — бакинъ ингаляторъ. А вмѣсто реактивовъ стояло твое молоко и нѣсколько бутылочекъ со спиртомъ, предназначенныхъ для раздачи въ дорогѣ, въ качествѣ взятокъ. (Въ то время бутылка спирта стоила въ подпольной продажѣ нѣсколько тысячъ и достать его безъ соответственныхъ знакомствъ было невозможно). Вотъ этой-то безхитростной «Лабораторіей» я и импонировалъ всю дорогу чернокожимъ комиссарамъ. Ибо у меня была бумага о томъ, что я везу съ собой «лабораторное имущество исключительной цѣнности», а потому имѣю право на мѣста въ штабномъ вагонѣ вмѣстѣ съ ассистентами. Индивидуальные пакеты пред назначались для матери, которая, какъ я уже тебѣ сказалъ незадолго до отѣзда, коля дрова, отрубила себѣ кусокъ большого пальца съ костью. Рана была пешуточная и требовала ухода и чистыхъ перевязокъ. Наконецъ, третья вещь — ящикъ съ формою — имѣть самую смѣшную исторію. У меня была гипсовая карикатура на меня въ видѣ фавна, работы дяди Володи и единственная память о немъ. Уѣзжая я со всѣмъ смогъ разстаться — даже со своей библіотекой, но бросить память дяди Володи у меня не хватило духа. Везти же съ собой въ научную командировку бусть, сработанный явно съ меня, было невозможно, даже уповая на непроходимую глупость чернокожихъ комиссаровъ. Поэтому я рѣшилъ сдѣлать съ бюста гипсовую форму, которая, конечно, затушевала бы сходство и въ случаѣ обыска объяснила чернокожимъ, что это слѣпокъ съ рогатого человѣка, которого я нашелъ въ деревнѣ. Всѣ домашніе смѣялись надо мной и убѣждали бросить свою затѣю, пророча мнѣ непріятности. Но я возражалъ, что когда чернокожій увидитъ у меня слѣпокъ рогатого человѣка, то онъ проникнется къ моей учености большимъ уваженіемъ, чѣмъ отъ всѣхъ моихъ рукопи-сей. Такъ на мое и вышло и въ Л. «рогатый» (какъ мы стали въ дорогѣ называть нашу самую крупную и громоздкую вещь) сослужилъ свою службу. Но обѣ этомъ послѣ.

И такъ мы сидѣли на вокзалѣ, въ грязномъ, запущенномъ, едва освѣщеннемъ залѣ не было никого, кроме насъ. По срединѣ были свалены наши вещи. Бабка сидѣла на «рогатомъ» и набивала папиросы. Было невыразимо тяжко. И рѣзкимъ контрастомъ съ общимъ погребальнымъ настроениемъ звучали твои ликующіе крики. Увидѣвъ себя въ новой обстановкѣ, ты положительно пришелъ въ ражъ. Выдѣльвалъ антраша въ своей неуклюжей, доходящей до пять шубкѣ, лазалъ по скамейкамъ и вопилъ въ истощный голосъ. Шубу съ тебя пришлось снять и тогда ты окончательно разошелся. Бѣгать ты быстро, а валенки тебѣ мѣшали и ты отбрасывалъ ноги какъ-то такъ неуклюже, что получалось впечатлѣніе будто онъ движутся сами по себѣ, независимо отъ туловища. А вся твоя ликующая крохотная фигурка въ сѣрой фуфайкѣ и вязанныхъ штанахъ и въ коричневыхъ дѣтскихъ валенкахъ напоминала заводную игрушку.

Часа черезъ полтора ожиданія я съ бабкой пошелъ занять мѣста въ очереди. У дверей на платформу стоялъ огромный хвостъ на общіе вагоны и рядомъ другой поменьше на штабной. Мы помѣстились во второмъ. Я захватилъ Globetrotter, бабка «лабораторію». Стало мы съ тѣмъ, чтобы занять мѣста въ вагонѣ, а потомъ мнѣ предстояло перетащить на себѣ всѣ вещи, ибо носильщиковъ дозваться было немыслимо. Около трехъ четвертей часа прошло въ ожиданіи, послѣ чего двери открыли и на платформу ринулась штабная очередь. Въ этотъ моментъ одинъ изъ штырявшихъ въ залѣ шпиковъ взялъ меня подъ руку и отвелъ въ сторону для обыска. Я сунулъ ему мандатъ, онъ прочиталъ его, вѣжливо раскланился и сказалъ «пожалуйста, товарищъ». Мы бросились къ дверямъ, но увы! штабная очередь успѣла выйти и въ двери перла вереница чернокожихъ, съ огромными сундуками и мѣшками за спинами — это имущество бѣлыхъ переправлялось въ деревню. Съ большимъ трудомъ проникли мы подъ общіе озлобленные крики.

— Ишь, буржуй чемоданы тащать.

Тутъ только попялъ я, что не слѣдовало брать съ собой щегольского Globetrotter. Не будь его, не было бы попытка обыска.

У вагона новое недоразумѣніе. Чернокожій, провѣряющій пропуски, оказался, какъ и слѣдовало ожидать, неграмотнымъ. У меня было написано «три мѣста въ штабномъ вагонѣ», а онъ почему-то читалъ одно мѣсто. Наконецъ, и это недоразумѣніе разсѣялось и мы заняли маленькое купѣ. Вагонъ былъ хороший, но вичѣмъ не освѣщался, такъ что вещи приходилось разставлять ощупью въ полной темнотѣ. Оставилъ бабку одну, я пошелъ обратно за тобою съ матерью и за вещами. Отъ Мариши тебя пришлось оторвать почти силой, такъ она бѣдная плакала, прощаюсь съ тобою. На мое счастье, наконецъ, попался носильщикъ, который согласился за 600 руб. помочь мнѣ перенести вещи. Часть изъ нихъ я взвали на себя, остальная взялъ носильщикъ. Мать подхватила тебя и мы тронулись, спрятавшись однимъ рейсомъ. Попавъ въ темный вагонъ, ты испугался и заскулилъ.

— Баба? Баба? началь ты звать.

— Я здѣсь, Лодочка, отозвался изъ темноты знакомый голосъ.

Черезъ минуту ты былъ уже на рукахъ у бабки.

— Дѣда? вачаль ты тогда хныкать.

Я подошелъ къ тебѣ, а ты, удостовѣрившись, что и я здѣсь, уже звалъ маму, которую потерялъ въ темнотѣ.

Но мать доставала свѣчи и черезъ минуту ты уже немного успокоился при свѣтѣ огарка. Не успѣли мы толкомъ разложиться, какъ поѣздъ тронулся и мимо поплыли такъ хорошо знакомые столбы Александровскаго вокзала. Сколько разъ мы уѣзжали съ этого самаго перрона за границу, и какая разница — тогда и теперь...

Столбы бѣжали все быстрѣе и быстрѣе. Прощай Москва и, вѣроятно, на вѣки; 15 лучшихъ лѣтъ жизни у меня и у бабки оставались позади ускоряющаго бѣгъ поѣзда. А что впереди неизвѣстно. Не дай Богъ, малютка, тебѣ испытать когданибудь то, что мы съ бабкой испытывали въ этотъ вечеръ.

* * *

Сутки до Орши прошли съреинко. Въ вагонѣ тхало иѣсколько офицеровъ на фронтъ, агитаторы и еще какая-то неопределенная публика. Мы сидѣли въ своеи купэ, забавлялись съ тобою и пили чай, съ захваченнымъ изъ Москвы жаренымъ мясомъ. Въ сосѣднемъ вагонѣ помѣщался «буфетъ», изъ которого я носилъ кипятокъ по 2 руб. стаканъ. Тамъ же продавались котлеты по 100 руб. штука и бѣлыя лепешки по 40 руб. штука. Для тебя въ «лабораторіи» стояли два литра молока, которые мы подогревали тутъ же на спиртовкѣ. Ты былъ настроенъ чудесно, много спалъ и истреблялъ невѣроятное количество «хахара».

Дорогой чрезвычайка иѣсколько разъ провѣряла документы. Когда вошла первая комиссія, ты привѣтствовалъ ее возгласомъ:

— Товарищи окаявны!

Это явилось для насъ сюрпризомъ, ибо никогда ничего подобнаго мы отъ тебя не слышали. Къ счастью ты произнесъ эти повыя слова не совсѣмъ разборчиво и они ихъ не поняли. Провѣрки не обошлиесь безъ курьезовъ. Такъ у Ёхавшаго въ сосѣднемъ купэ полкового командира, направлявшагося въ Смоленскъ принимать полкъ, отобрали револьверъ. Что отобрали, это еще ничего. Но въ простотѣ душевной даже расписку выдали.

Въ Оршу мы прибыли въ десятомъ часу вечера. Небольшой грязный вокзалъ, совершенно неосвѣщенный. Ходить приходилось буквально ощущью держась за стѣну. И въ этой темнотѣ пришлось разыскивать помѣщенія всякихъ комиссій, должностновавшихъ выдать разрѣшеніе на покупку билетовъ до Л. Кое какъ справившись съ этой трудной задачей, я, наконецъ, досталъ билеты и поспѣлъ наводить справки о поѣздѣ. Онъ стоялъ далеко на путяхъ и весь состоялъ изъ вшивыхъ товарныхъ вагоновъ и одного вагона третьаго класса, служившаго въ качествѣ почтоваго. Ёхать ночь въ товарномъ вагонѣ не хотѣлось и я завелъ переговоры съ почтовыми чиновниками.

— Товарищъ, я профессоръ, ёду на борьбу съ сыпнымъ тифомъ, везу цѣнное имущество, лабораторію, не впустите ли меня къ себѣ?

— Мы, товарищъ, рады бы, да, сами знаете, отвѣтственность, въ случаѣ контроля. Никакъ не возможно.

— Товарищъ, наклонился я къ его уху, у меня въ лабораторіи есть спиртъ. Много вамъ предложить не могу, но граммъ 200 выкрою.

— Постойте, я поговорю со своимъ товарищемъ, сразу перемѣшилъ онъ тонъ и черезъ минуту уже высунулся въ окно.

— Пожалуйте, пригласилъ онъ меня.

— Я, конечно, не заставилъ себя долго просить и, втащивъ въ вагонъ «рогатого», началъ его пристраивать между скамьями.

— А это еще кто? услышалъ я съ площадки вагона окрикъ того же чиновника.

— Ассистенты профессора Д., отвѣчалъ голосъ бабки. Обычно звонкій и увѣренный въ себѣ, онъ на этотъ разъ прозвучалъ такъ тихо и такъ робко, что я его сразу даже не узналъ.

— Много васъ?

— Двое.

Я вмѣшался въ дѣло и черезъ минуту старшій ассистентъ уже бѣгалъ по вагону и совалъ въ печку дрова, приговаривая:

— Лода печу топить.

Чугунная печка разгоралась все жарче, чайникъ весело шумѣть на ней, чиновники расшивали свои 200 граммъ, ты спать на подстилкѣ изъ шубы, а ночь бѣжала быстро, быстро. Изрѣдка ты просыпался, прислушивался къ монотонному стуку колесъ и говорилъ: «Гудить лъ! Гудить!» и снова засыпалъ. Къ разсвѣту мы были въ Л., куда я имѣть рекомендательное письмо къ одному еврею Ж—чу, который долженъ быть спасти меня съ контрабандистами, занимающимися переправкой черезъ польскую границу.

* * *

Когда мы выѣздили изъ вагона, было еще темно. Чиновники подавали мнѣ вещи, а я оттаскивалъ ихъ къ сторонкѣ на темной платформѣ. Когда я положилъ первые чемоданы, изъ сосѣдней теплушкѣ выскочила десятокъ красноармейцевъ. Они подбѣжали къ вещамъ, окруживъ ихъ узкимъ кольцомъ, и начали «оправляться» у самыхъ чемодановъ. Я очень сдержанно попросилъ ихъ отойти къ сторонкѣ, но въ отвѣтъ получилъ иѣсколько непечатныхъ ругательствъ. Дѣлать нечего — къ сторонкѣ отошелъ я и сталъ ждать, пока они кончатъ. Морозъ, слава Богу, былъ крѣпкій и пока я вытащилъ остальные вещи и изъ вагона выѣздили бабка съ матерью и съ тобою, огромная лужа, которую они оставили, уже замерзла. Поѣздъ отошелъ дальше и мы остались одинъ на платформѣ. Ночь была темная и заря еще не занималась. На платформѣ ни души. Было жутко. Нужно было идти разыскивать Ж—ча. Оставить вѣсъ троихъ съ вещами было страшно. А забрать вещи съ собой невозможно. Сначала я думалъ взять «лабораторію» и идти одному. Но, обсудивъ вопросъ, рѣшили, что безопаснѣе оставить все съ вами, ибо если бы начали грабить на вокзалѣ, то прежде всего бросились бы на чемоданы, а не на «лабораторію». А если бы меня ограбили по дорогѣ, то, конечно, забрали бы то, что янесу, то-есть все наше состояніе. Розыскавъ съ трудомъ стаціоннаго сторожа, я узналъ отъ него, какъ пройти къ Ж—чу и пырнуль въ темную невѣдомую мнѣ улицу. Домикъ стоялъ въ 5 минутахъ отъ стаціи. На стукъ въ дверь никто не отвѣтилъ. Я попробовалъ пажать — она открылась и я очутился въ кухнѣ. Громадная русская печь пылала во всю и ярко освещала растрепанную старуху съ ухватомъ въ рукахъ.

— Ж—чъ здѣсь живеть?

— Здѣсь. Я его сейчасъ разбужу. А вы иройдите въ столовую.

Въ столовой у стола, едва освещеннаго коптящей лампочкой, сидѣло душъ пять красноармейцевъ. Черезъ пару минутъ вышла заспанная же на Ж—ча.

— Мужъ сейчасъ встанетъ, а вы присядьте.

Я объяснилъ, что мнѣ нужно бы забрать съ вокзала вещи. Она откуда то достала красноармѣйца и мы пошли съ нимъ на вокзалъ. Бѣжалъ я туда рысью, ибо очень боялся за вѣсъ. Вхожу на платформу, смотрю въ вашу сторону — ничего не видно. Бѣгу дальше, наконецъ, вырисовываются очертанія людей и вещей. Слава Богу, все благополучно. Ты лежишь сверху на Globetrotter'ѣ, закутавшись въ старую бабкину шубу поверхъ своей одежды и сладко спиши. Еврейчикъ-красноармеецъ началъ таскать вещи, а мы все остались на платформѣ. Пока онъ справился, занялась заря и дорогой мы уже могли осмотрѣть Л. Оно оказалось поселкомъ изъ

8—10 избъ, стоящимъ у самаго лѣса. Когда мы пришли, Ж—чъ уже всталъ. Это былъ молчаливый, спокойный евреѣ лѣтъ 50-ти. Онъ стоялъ у стола, за которымъ сидѣли красноармейцы. Я подалъ ему письмо. Онъ молча прочиталъ его, положилъ въ карманъ, помолчалъ съ минуту.

— Я уже знаю. Мое му сыну говорилъ о вѣсѣ М—нъ.

— А у насть можно прожить нѣсколько днѣй?

— Почему же нѣть?

Опять молчаніе. Мы всѣ стоимъ.

— Ребенка уложить бы хорошо.

— Можно и уложить.

Подошла его жена и объяснила, что бабкѣ, матери и тебѣ будетъ отдельная комната, а мнѣ придется жить въ конторѣ. Комната оказалась закуткомъ въ два съ половиной на три аршина. По стѣнамъ стояли двѣ кровати, настолько короткія, что даже матери приходилось лежать, свернувшись калачикомъ. А что за матрацы были на нихъ! Впечатлѣніе получалось, будто лежишь на булыжной мостовой.

Уложили тебя и снова вышли въ столовую. Красноармейцы ушли, лампа была потушена и въ окна смотрѣло тусклое январьское утро. У стола сидѣлъ Ж—чъ и клевалъ носомъ. Помолчали. Оглядѣли помѣщеніе. Грязь была невообразимая. Отъ столовой былъ отгороженъ не доходящими до потолка перегородками рядъ «спаленъ» такой же величины, какъ ваша. Вместо дверей висѣли какія то тряпки, изъ которыхъ виднѣлись неубраныя кровати. Въ первый разъ въ жизни пришлось быть въ такой обстановкѣ. Помолчали еще. Я подвинулся поближе къ Ж—чу, и убѣдившись, что никого кроме настѣ въ комнатѣ нѣть, заговорилъ шепотомъ.

— Г. Ж—чъ, вы знаете, зачѣмъ мы прѣѣхали?

— Сыну же М—нъ сказалъ.

— И вы думаете, удастся?

— А почему бы нѣть.

Опять молчаніе.

— Какъ же это сдѣлать?

— Я этимъ не занимаюсь. Встанетъ сынъ, онъ знаетъ людей, которые занимаются.

Опять замолчали.

Потомъ пили чай. Потомъ Ж—чъ ушелъ въ свою спальню, мать и бабка умудрились какъ то устроиться на одной кровати (другая была занята тобою). А я прилегъ на кушеткѣ въ конторѣ. Часовъ около 10 въ контору вошелъ какой то молодой человѣкъ, въ рубашкѣ и съ полотенцемъ черезъ плечо.

— Вы молодой Ж—чъ?

— Нѣть я конторщикъ. Ж—чъ еще спитъ, — и пошелъ въ кухню умываться.

Я опять легъ. Въ контору приходили какие то люди въ солдатскихъ шинеляхъ. Посидѣть, покурять и уйдутъ. Конторщикъ пробовалъ ихъ проводить.

— Сегодня праздникъ, что вы лѣзете сюда!

— Контора наша, отвѣчали они, мы и сидимъ.

Наконецъ, появился Ж—чъ, умылся и сѣль пить чай. Онъ былъ похожъ на отца и заставить его говорить было такъ же трудно. Онъ былъ такъ же невозмутимъ и любимымъ его выражениемъ было:

— Наплевать. Ничего не значить.

Къ тому же говорить о дѣлѣ было невозможно, ибо все время мимо шныряли какие то люди. Все, что могъ удалось узнать это то, что намъ придется сходить въ мѣстечко, которое лежитъ въ 6 верстахъ отъ станціи. Я заторопился идти, но Ж—чъ заявилъ, что еще рано.

— Пойдемъ, немнога погодя.

Я опять легъ. Время тянулось нудно. Народъ толокся и ругался съ Ж—чемъ и конторщикомъ, которые доказывали, что разъ контора закрыта, то нечего и спѣть здѣсь.

— Контора наша, отвѣчали они, такъ вамъ что за дѣло.

— Что это за народъ? спросилъ я Ж—ча.

— Наши.

— Рабочіе?

— Нѣтъ, такъ наши.

Такъ я ничего и не понялъ. Прошло съ часть времени. Ты проснулся и поминутно высаживалъ изъ своей клѣтушки и мать и бабка едва удерживали тебя сказками.

— Не пора ли намъ идти?

— Нѣтъ, рано.

Прошло еще нѣсколько часовъ, которые молодой Ж—чъ провелъ, сидя у окна и любуясь видомъ на станцію.

Наконецъ, онъ всталъ.

— Мама, gieb mir Essen!

Подали обѣдь. Я сѣль Ѳеть съ нимъ. Вытащилъ изъ «лабораторіи» бутылочку со спиртомъ и сдѣлалъ водку. У отца съ сыномъ лица просвѣтѣли. Выпили по рюмкѣ и закусили чернымъ хлѣбомъ съ солью. Публика изъ конторы собралась около стола и съ завистью на насъ смотрѣла. Выпили по второй и закусили супомъ. И все молча. Потомъ выпили по третьей и закусили мясомъ. Обѣдь былъ прѣсный и невкусный, но послѣ Москвы казался настоящимъ пиромъ.Ѳли свѣжее хорошее мясо, и рядомъ не было матери, которая въ Москвѣ несла тяжелую обязанность считать и распредѣлять куски.

— Наконецъ, послѣ обѣда Ж—чъ надѣлъ шапку съ наушниками и кратко сказалъ.

— Ну, теперь пора.

Вышли. Дорога шла все время чудеснымъ сосновымъ боромъ. Былъ яркий солнечный морозный день. Ж—чъ немнога разговорился. Оказалось, что границу переходятъ ежедневно и дѣло налажено хорошо. Я немнога успокоился. Часа черезъ полтора мы пришли въ какую то еврейскую лавку, въ углу которой были составлены въ козлы 4 виштовки. Хозяинъ — старый евреи съ плутоватымъ лицомъ. Мы присѣли въ углу и завели разговоръ въ полголоса.

— То-есть, что я вамъ скажу. Я самъ поѣду съ вами и сдамъ на руки польскому офицеру. Онъ всегда выходить ко мнѣ на встрѣчу. У часъ такъ заведено.

— Гдѣ же это? Въ полѣ?

— Зачѣмъ въ полѣ? Воть деревня запятая поляками, а воть нейтральная полоса въ 10 верстъ. И воть вы ждете въ нейтральной деревнѣ, а къ вамъ приходитъ польский офицеръ и приносить пропускъ до самой Варшавы. Накажи меня Богъ. И все это стоитъ 2000 руб. царскими съ человѣка.

Черезъ лавку изъ внутреннихъ комнатъ прошло двое солдатъ.

— Предсѣдатель чрезвычайной комиссіи, пояснилъ хозяинъ. Онъ у меня уже полгода живетъ. Это ихъ винтовки.

Я съежился.

— И вы у него подъ носомъ занимаетесь такими дѣлами?

— Ну, конечно. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ у меня поселился, я свѣтъ увидѣлъ и узналъ, что такое спокойная жизнь.

Я сдуру не захватилъ съ собой царскихъ денегъ и у меня были только совѣтскія, думскія и краткосрочныя обязательства. Еврей мой о послѣдніхъ деньгахъ даже не слышалъ и побѣжалъ справляться къ какому-то знакомому, а я остался одинъ (Ж—чъ ушелъ раньше). Вдругъ входить Ж—чъ и дѣлаетъ мнѣ талисманъ знакъ.

— Пойдемте.

Я рѣшилъ, что дѣло не ладко съ чрезвычайкой, и поспѣшилъ вышелъ. Но оказалось другое.

— Я сейчасъ узналъ, что этотъ работаетъ не отъ себя. Онъ только комиссіонеръ. Такъ мы пойдемъ прямо къ тому, у кого онъ работаетъ — къ Л.

Л. жилъ въ совсѣмъ приличномъ домикѣ, обставленномъ даже уютно. Мы сѣли въ приемной и начали бесѣдовать. Условія тѣ же, но нѣть хвастовства и обѣщаній, что встрѣтить будетъ польский офицеръ. Стараюсь выяснить всю процедуру перѣѣзда. Оказывается, выѣзжать придется вечеромъ и всю ночьѣхать на лошадяхъ лѣсомъ. Къ разсвѣту прїѣдемъ въ деревню на нейтральной полосѣ. Тамъ садутъ насъ уже новому лицу, которое доставитъ насъ на польскіе аванпосты. Путешествіе ночью мнѣ не улыбается и я пробую убѣдить ихъѣхать днемъ. Показываю свой мандатъ и доказываю, что встрѣчи съ большевистскими патрулями мнѣ опасаться нечего. Л. прочиталъ мандатъ.

— Мандатъ хороший. Только я бы вамъ совсѣмъ избѣгать встрѣчи. Къ тому же вы поѣдете не одни, мы возимъ партіями. А у вашихъ попутчиковъ такихъ мандатовъ нѣть.

Я увидѣлъ, что ихъ не заставишь пzmѣнить своихъ плановъ, и попытался выяснить дорогу, которой мы поѣдемъ. Досталъ десятиверстку и развернулъ ее на столѣ.

— Ми говорили въ Москвѣ, что удобнѣе всегоѣхать на мѣстечко II.

— Мы такъ и возили. Но теперь эта дорога испорчена.

— То-есть?

— На діляхъ насъ тамъ накрыли.

— Арестовали?

— Ну, зачѣмъ арестовали. Пришлось заплатить сто тысячъ. И теперь у насъ другая дорога. Вчера поѣхала первая партія. Вы поѣдете вторыми.

Изъ сосѣдней комнаты вышелъ человѣкъ въ щегольскомъ франчѣ и съ пачкой «совѣтскихъ извѣстій».

— Кто это? спросилъ я Л.

— Комиссаръ мѣстечка.

— Зачемъ же онъ здѣсь?

— Комнату у меня снимаетъ.

Я поспѣшилъ покончить дѣло. Условились по 2000 руб. царскими съ человѣка. Но такъ какъ царскихъ у меня не было, то согласились, что я заплачу часть вещами, часть думскими. Окончательный торгъ долженъ былъ состояться въ тотъ же вечеръ у меня по осмотрѣ вещей.

Когда мы шли домой я выразилъ Ж—чу опасеніе, какъ бы мы не попались. Въ самомъ дѣлѣ, я говорилъ о переѣздѣ два раза и оба раза за дверью сидѣли совѣтскіе комиссары. Одній видѣть меня надѣ картой. Но онъ обнадѣжилъ меня.

— Наплевать. Ничего не значить!

— Ну, а тотъ народъ, что толчется у вѣсъ, вѣдь онъ же можетъ заподозрить истину. Могутъ доhesti.

— Тоже наплевать, ничего не значить.

Домой пришли, когда совсѣмъ уже смеркалось. Часовъ въ 9 пріѣхалъ Л. съ братомъ и началась торговля. Я отдалъ ему дюжину превосходныхъ до-военныхъ рубахъ, дюжину кальсонъ, полдюжины носковъ, бабкино шелковое платье и еще кое-какія мелочи. Все это онъ оцѣнилъ въ 2000 р. царскихъ и потребовалъ доплаты 20.000 р. думскими. Торговаться не приходилось и мы тотчасъ же покончили, условившись, что на другой день въ 4 часа за нами пріѣдутъ подводы. Въ результатѣ сдѣлки мы остались почти голыми съ двумя сѣнами бѣлья каждый и въ одномъ костюмѣ. Но отдавали все радостно, разсчитывая купить нужное въ Берлинѣ. Когда же пріѣхали въ Берлинѣ, оказалось, что они забрали у насъ вещей по самому скромному подсчету на 20.000 руб. царскими. Проводивъ Л., легли спать. Я легъ въ конторѣ на кушеткѣ и со мной легло еще двое человѣкъ на двухъ диванахъ. Когда же проснулся на другой день, я увидѣлъ, что и на трехъ столахъ конторы тоже лежитъ по человѣку.

Слѣдующій день прошелъ такъ же тоскливо. Ходилъ на станцію и даль въ Москву «служебную» телеграмму по условленному шифру о томъ, что все благополучно и что сегодня выѣзжаемъ на границу. До обѣда котротали время въ вашей «комнатѣ», сидя на кроватяхъ и на вѣщахъ и забавляясь съ тобой. Ты окончательно истомился сидѣть сиднемъ въ крохотномъ закутѣ и поминутно открывалъ дверь, а мы старались держать ее закрытой, чтобы не мозолить глаза праздношатающейся публикѣ. Была суббота и Ж—чи шабашевали. Утромъ у нихъ было что то въ родѣ богослуженія: старый еврей, набросивъ на плечи полосатый платокъ, читалъ біблію и всѣ слушали. Около 2-хъ часовъ уложились и стали ждать подводъ. Время тянулось невыразимо медленно. Часа въ три открылась дверь нашей «комнаты» и вошла какая то непристойнѣйшая физіономія въ синемъ пиджакѣ.

— Вы куда ёдете, товарищъ?

— А вы почему интересуетесь?

— Я слѣдователь чрезвычайной комиссіи.

— Тогда извольте мандатъ.

Непристойнѣйшая физіономія прочитала и вытянулась. Потомъ начала просить навѣстить предсѣдателя чрезвычайной комиссіи, который боленъ уже несколько дней. Пошли съ матерью. Большой лежалъ на станціи въ вагонѣ и у него оказался сыпной тифъ. Пришли обратно и стали ждать.

Часы дошли до четырехъ. Подводъ иѣть. Половина пятаго — иѣть. Пять — иѣть. Половина шестого — пѣть. Мы совершенно истомились и уже не знаемъ, что думать. Наконецъ, около 6 часовъ пріѣхали. Оказалось, что извозчикъ — еврей не захотѣлъ выѣзжать въ субботу до захода солнца. Быстро нагрузили вещи, расплатились со Ж—чемъ (1500 руб. керенками за прожитіе и 500 руб. совѣтскими за доставку вещей со станціи), сѣли въ сани и хотѣлиѣхать. Но не тутъ то было. Какой то типъ во френчѣ во время погрузки стоявшій у самыхъ саней и наблюдавшій, какъ клади чемоданы, остановилъ возницу.

— Подѣзжайте къ угловой избѣ.

Оказывается чрезвычайка.

Отдаю мавдатъ, который уносять въ избу и черезъ минуту выносить обратно съ резолюціей: обыскать. Открываютъ первый чемоданъ, вытряхиваютъ все до дна и начинаютъ осматривать каждую вещь. Я соображаю, что съ такимъ обыскомъ они прокапителятся часа три. А настѣлька ждуть и мы уже опаздываемъ на два часа. И я пускаюсь на хитрость.

— Товарищъ Т—ва, кричу я матери, которая возится у чемодана. Не трудитесь съ обратной укладкой, мы дальше не єдемъ.

— Почему?

— Я не могу работать при такихъ условіяхъ и возвращаюсь въ Москву съ докладомъ народному комиссару, что мнѣ не дали возможности выполнить командировку.

Мое заявленіе производить иѣкоторое впечатлѣніе, но не особенно сильное, ибо обыскъ продолжается.

— Вы, товарищъ, не волнуйтесь, обратился ко мнѣ парень во френчѣ.

— Я и не волнуюсь. Но только я пріѣхалъ работать, а не таскаться по обыскамъ. А сегодня это второй разъ со мною. Я вижу, что работать здѣсь нельзя, и уѣзжаю обратно — только и всего.

— Вотъ вашель что то, торжественно заявилъ парень, ощупывающей подушки, и запустилъ руку подъ наволочку. Всѣ насторожились и парень вытащилъ свои штапишки.

— Молодецъ, похвалилъ я его, сразу видно, что вы свое дѣло понимаете.

— А тутъ у васъ что?, указалъ парень на ящикъ съ «рогатымъ».

— Тутъ слѣпокъ съ рогатаго человѣка.

— Съ какого рогатаго?

— Я въ Оршѣ нашелъ человѣка съ рогами и сдѣлалъ съ него слѣпокъ для университетскаго музея.

Парень во френчѣ задумался.

— Прекратите пока обыскъ, распорядился онъ. А васъ товарищъ, я попрошу въ канцелярію.

Тамъ онъ пошептался съ двумя такими же парнями, какъ онъ самъ.

— Вы куда сейчасъ направляетесь?

— Въ мѣстечко Л., гдѣ нашелъ помѣщеніе для лабораторіи, а оттуда развернувшись будемъ обѣзжать сосѣднія деревни.

Парни во френчахъ еще пошептались.

— Можете єхать, положилъ резолюцію начальникъ.

Мы быстро уложились и ударили по лошадямъ. Смеркалось быстро и мы гнали крупной рысью по опушкѣ лѣса — я впереди съ вещами, а сзади

мать, бабка и ты. Дорогой встрѣтились съ пьяными красноармейцами, стрѣлявшими изъ винтовокъ въ воздухъ. Къ мѣстечку подъѣхали уже въ полной темнотѣ и рѣшили не останавливаться, чтобы не обращать на себя лишняго вниманія, а остальную компанию ждать въ лѣсу за рѣкой.

— Наши увидѣть, что мы проѣхали, объяснилъ извозчикъ.

Деревню мы пролетѣли вихремъ вскачъ. Мелькнула плотина водяной мельницы и небольшая избушка около нея.

— Здѣшняя чрезвычайка, объяснилъ мигъ ямщикъ.

За мельницей на ходу къ намъ въ сани вскочилъ Л.

— Что вы такъ долго?

— Насъ обыскивали.

— Ждите у лѣса, — и опять, соскочивъ, уже бѣжалъ въ деревню.

У лѣса мыостояли съ полчаса, пока подъѣхали остальные. Всѣ были на одной подводѣ. Л. на ходу соскочилъ, сѣлъ ко мнѣ и велѣлъ трогать. Черезъ минуту на поворотѣ изъ заднихъ саней я услышалъ пестрый крикъ бабки.

— Лодочка, Лодочка!

Выскакиваю изъ саней и вижу картину. Ваши сани перевернулись на косогорѣ, вещи высыпались, а мать съ бабкой копошатся въ спѣгу. Къ счастью, падать было мягко и никто даже не ушибся. Уложили вещи на ново и, такъ какъ матери съ большой рукой тебя держать было неудобно, она сѣла на первыя сани, а я съ бабкой и съ тобой на вторыя. Тебѣ устроили вѣчно въ родѣ постели. Подъ голову положили въ видѣ подушки одѣяло, укутали тебя шубой, ты сразу же уснулъ и потянулась дорога.

Ночь была не очень холодная, ясная и безлунная. Звѣзды горѣли ярко, ярко, а лѣсь, одѣтый снѣговыми уборомъ, при ихъ мерцающемъ свѣтѣ сдво вырисовывалъ свои очертанія и тихо шумѣлъ.

Бабка боялась, что ты замерзнешь и все прикрывала шубой твою рожицу. Но ты сейчасъ же просыпался и протестовалъ.

— Откrrr... требовать ты.

Мы курили папиросу за папиросой, чтобы разогнать сонъ и время отъ времени щупали твой носикъ — теплый ли онъ, и твой ножки — не сползли ли валенки. Ты время отъ времени просыпался и кричалъ:

— Откrrr....

Это шапка сползала тебѣ на лобъ слишкомъ низко. Мы поправляли ее, ты поводилъ сонными глазенками, прислушивался къ шуму лѣса и говорилъ:

— Гудить ль, гудить!

Очевидно, ты принималъ его во снѣ за стукъ вагона. Затѣмъ ты спова засыпалъ. Деревья причудливыхъ очертаній, одѣтые спѣгомъ, бѣжали мимо. Попадались спящія деревни, которыхъ мы пролетали вихремъ. И опять начинался лѣсь. Лѣсомъѣхать было жутко. Думали о волкахъ и медвѣдяхъ. Вспоминался видѣнный въ берлинскомъ зоологическомъ саду великолѣпный экземпляръ бураго звѣря съ надписью «Russischer Bär. Minsk» — какъ разъ изъ этого самаго лѣса. Но еще хуже чѣмъ въ лѣсу было въ деревняхъ. Уходящій въ полную тьму рядъ изѣхъ съ запертыми ставнями. Ни одного огонька. Мертвая тишина, нарушаемая лишь мѣрнымъ звукомъ копытъ, да изрѣдка собачьимъ лаемъ. А за каждой избой грезится засада. Промелькнуть черное пятно такой деревни и въ лѣсу становится опять легче

на душѣ. И съ каждой промелькнувшей мимо деревней крѣпнѣтъ сознаніе, что граница становится все ближе и ближе.

Во второмъ часу почти подводы остановились среди густого лѣса. Подошелъ Л.

— Мы въ полуверстѣ отъ большевистской части. Развѣдчикъ идетъ въ деревню узнать, какъ сегодня разставлены патрули и свободна ли дорога. Пожалуйста, соблюдайте полную тишину.

Только-что онъ отошелъ, какъ изъ-подъ твоей шубы раздался знакомый повелительный окрикъ:

— Откррр....

У насъ съ бабкой такъ и упало все внутри. Вѣдь ты, одѣтый въ шубу, пролежалъ въ одной позѣ на очень неудобномъ ложѣ около 8 часовъ. Значить и покричать тебѣ было бы не грѣшно. Вотъ тебѣ и выйтѣть «полная тишина!» Я наклонился къ твоему уху и началъ рассказывать тебѣ шопотомъ твою любимую сказку про зайку и лисичку. Ты внимательно слушалъ, поводя глазками, и изрѣдка шепталъ:

— Гудить лѣ, гудить.

А минутъ черезъ десять ты уже мирно спалъ. Развѣдчика мы проѣзжали минуть сорокъ. И эти сорокъ минуть по своей изнѣженности стояли всей оставшейся позади ночи. Дорога оказалась занятой патрулями и намъ пришлось дѣлать кругъ лѣсомъ безъ всякой дороги верстъ въ пятнадцать. Вести насъ долженъ былъ пришедший изъ деревни вмѣстѣ съ развѣдчикомъ мужикъ. Поверили лошадей и тронулись. Какъ мы выбралисъ, до сихъ поръ не понимаю. Лошади временами вязли въ снѣгу по брюхо. Вѣтки ельника хлестали насъ по лицамъ. Часа черезъ два показалась дорога. Мы завернули и погнали вскачъ. Послѣ я уже узналъ, что это была самая опасная часть пути, ибо здѣсь часто єздятъ большевистскіе разьезды. Прокакали мы такъ минутъ пятнадцать, потомъ круто завернули и выѣхали на гладкое снѣжное поле. На востокѣ чуть брезжила красная полоска и клаала розовые блики на снѣжную пелену. Вдали что-то чернѣло.

— Деревня Ш., объяснилъ ямщикъ. А тамъ за рѣкой уже польская позиція.

Поле промелькнуло быстро и на разсвѣтѣ мы уже высаживались на дворѣ какой-то избы.

Тутъ только разсмотрѣли мы своихъ спутниковъ. Это была пара молодыхъ евреевъ Д—ъ. Онъ типичный спекулянтъ, она тонкая дама въ великолѣбной дохѣ. Съ ними молоденький студентикъ изъ Вильны.

— Хорошо бы самоварчикъ, — предложилъ я.

— Самоваръ у насъ унесли тѣ, къ кому вы єдете, — съ озлобленіемъ отвѣтила миѳъ хозяйка.

Я оглянулся и увидѣлъ полуразвалившуюся избу, едва освѣщенную колышащей луциной, лежащей на краю стола. Такого убожества и грязи я никогда себѣ не представлялъ. Оказывается, деревня съ 1915 года все время переходила изъ рукъ въ руки и въ ней поочередно побывали и австрійцы, и нѣмцы, и большевики, и поляки. И всѣ грабили. Въ результатѣ отъ деревни уїѣлѣло всего нѣсколько полуразвалившихся избъ, жители разбѣжались, а оставшіеся оказались обображенными до чиста.

Настало тягостное молчаніе, которое прервать твой радостный голосокъ.

— Ававка... (Собака).

И ты показывалъ на печку, съ которой въ это время слѣзаль старый растрепанный, одѣтый въ грязныя лохмотья евреи, дѣйствительно напоминающій большую собаку.

Тебя все окружили и начали хвалить, какъ ты себя вельь дорогой. Когда наши попутчики узнали, что имъ придется ѿхать съ ребенкомъ, они такъ испугались, что даже хотѣли остатся.

Затопили печку и поставили кипятить воду въ котелкѣ для чая.

Пришелъ Л., съ пѣкіемъ паномъ В—имъ, типичнымъ полякомъ. Дальнѣйшую нашу переправу онъ бралъ на себя. Мы усѣлись за столомъ и стали слушать. Оказалось, что польскій поручикъ, съ которымъ онъ ведетъ дѣла, выѣхалъ въ Борисовъ и вернется сегодня почью. До утра памъ нужно просидѣть въ Ш., а на разсвѣтѣ памъ подадутъ подводы и мы выѣдемъ одни. У поста настъ встрѣтить панъ В—ій и сдасть патрулю. Мы заволковались. Д—амъ оказывается было обѣщано доставить пропускъ до Варшавы въ Ш. и они подняли крикъ, что ихъ обманули. Я въ эти пропуски не вѣрилъ, ибо прекрасно понималъ, что на передовыхъ позиціяхъ они не выдаются. Но все же сидѣть сутки въ Ш., куда каждую минуту могли нагрянуть большевики, мнѣ вовсе не улыбалось. Я началъ требовать, чтобы мнѣ дали подводы и отвезли на аванпосты, не дожидаюсь поручика. Но В—ій не соглашался, увѣряя, что это можетъ для насъ плохо кончиться. Дѣлать было нечего и пришлось размѣщаться. Д—овъ отвели въ сосѣднюю избу къ кузнецу, а настъ оставили тамъ, гдѣ мы были. Избенка была маленькая, темная, невѣроятно грязная. Вся обстановка состояла изъ ужасающаго вида кровати, стола и трехъ деревянныхъ скамеекъ 6 вершковъ шириной и 2 аршина длиной. Вся эта «мебель» была представлена намъ. А хозяева, старикъ и старуха, спали па лежанкахъ на русской печкѣ. На кровать никто изъ насъ лечь не рѣшился и ею воспользовался Л. Мы же устроились на лавкахъ, предварительно вымывъ ихъ захваченной изъ Москвы дезинфекціонной смѣсью, и на вещахъ. Но кромѣ тебя никто не заснуль. Часовъ съ 11 началъ стучать пулеметъ на польскихъ позиціяхъ (деревня Ш. стоитъ на берегу Березины, а противоположный берегъ былъ занятъ поляками). Миѣ, конечно, представилось, что это уже началось сраженіе съ большевиками. Прошу Л. привести В—аго или меня проводить къ нему. Онъ пошелъ и принесъ отвѣтъ, что В—ій зайдетъ. Пулеметъ постучалъ, постучалъ и замолкъ. Бабка занялась хозяйствомъ. Достала баранины и картофеля и начала готовить обѣдъ. Ты гонялся за кошкой, лѣзъ во все грязные углы и ведра и выпачкался до нельзя. Мать и бабка нервничали, я ходилъ изъ угла въ уголъ, самъ не свой, и никто не могъ толкомъ занять тебя. Пулеметъ то стучалъ, то замолкалъ и наводилъ уныніе. Часа черезъ два пришелъ В—ій, которому я сообщилъ свои опасенія. Онъ началъ успокаивать меня. Большевики не показывались въ Ш. больше двухъ мѣсяцевъ. Но для меня это былъ не доводъ и я опять началъ просить переправить насъ съ вечера. Онъ обѣщался, когда стемнѣеть, пройти на позиціи и постараться устроить дѣло. И потянулся нескончаемый день. Подъ размѣренный стукъ пулемета въ голову лѣзла всякая чушь. Что будетъ, если нагрянетъ большевистскій пикетъ? У меня мандатъ. Но вѣдь даже большевики не повѣрятъ, что я занимаюсь научной работой въ разоренной деревнѣ въ полуверстѣ отъ польскихъ позицій. Не лучше ли плонуть на В—аго и сейчасъ же

пѣшкомъ переправиться черезъ Березину до авапостовъ. Разъ пять припоминались обсуждать этотъ вопросъ. И все-таки каждый разъ рѣшали ждать. Бабка приготовила чудесный обѣдъ изъ жареной баранины съ картофелемъ. Несмотря на тяжелое душевное состояніе, сѣѣли его съ аппетитомъ, ибо никто изъ насъ и не помнилъ, когда онъ бѣль такія вкусныя вещи. Потомъ сѣѣли пить чай. Забѣжалы на минуту Д—ы. Возмущались, что ихъ надули. Оказывается, что они изъ-за этого мифического пропуска прожили лишнюю недѣлю въ Л. Начало смеркаться. Зажгли лучину. И это немного отвлекло. Нужно было периодически обламывать сгорѣвшую часть и замѣнять одну лучину другою. Часовъ въ 9 пришелъ В—ий. На по-зиппяхъ условились принять насъ въ 6 часовъ утра. Въ 5 часовъ мы должны были сѣсть на подводы и переѣхать черезъ рѣку съ ямщиками. А у пикета насъ встрѣтилъ В—ий. Значитъ предстояла еще одна тревожная ночь. Начали снова укладываться. Не спавши сутки, я такъ измочался, что, преодолѣвъ отвращеніе, одѣтый свалился на отвратительную грязную кровать. Ночь прошла тревожно. Постукивалъ пулеметъ. У старика хсзяина разстроился желудокъ и онъ нѣсколько разъ выходилъ изъ избы. Каждый разъ, когда онъ хлопалъ дверью, мы вскакивали и намъ казалось, что пришли большевики. Наконецъ, забрезжилъ свѣтъ и мы начали укладываться. Заплатили за постой 1200 рублей и черезъ часъ уже сидѣли на саняхъ и задворками направлялись къ рѣкѣ. Берегъ былъ крутой и съ тобоюѣхать мы не рѣшились. Вылѣзли изъ саней, я взялъ тебя на руки и, увязая въ снѣгу по колѣна, мы начали спускаться на ледъ на встрѣчу къ новой жизни, которая олицетворялась намъ въ эту минуту въ образѣ польского часового, стоявшаго на деревянной вышкѣ по ту сторону рѣки. У подвожія вышки вырисовывалась на бѣломъ снѣгу высокая черная фигура В—аго, въ шубѣ и въ остроконечной шапкѣ.

— Кто идетъ? — раздался сверху окрикъ часового.

— Утикинеры, — отвѣтилъ по-польски ямщикъ.

Часовой сѣѣжалъ съ лѣстницы.

— За мною, — скомандовалъ онъ.

Папъ В—ий пожелалъ намъ счастливаго пути и мы простились. Часовой пошелъ по направленію къ кучѣ избушекъ, примостившихся у рѣки, а мы шагкомъ тронулись за нимъ. Внутри у насъ все пѣло и въ головѣ стояла одна мысль:

— Бырвались таки!